ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Жены Іоанна Грознаго.

С. Горскаго.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ЖЕНЫ ІОАННА ГРОЗНАГО

С. Горскаго

Воспроизведение издания

Москва
Книгоиздательство «ДѢЛО»
1912 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ЖЕНЫ ІОАННА ГРОЗНАГО.

С. Горскаго.

Москва.
Книгоиздательство „ДѢЛО“.
1912 г.

I

25 июля 1569 года на Красной площади в Москве с раннего утра кипела работа. Еще накануне туда привезли целые штабели бревен, досок, несколько железных котлов, груды цепей, крюков. Московские люди отлично знали значение этих приготовлений: грозный царь Иоанн Васильевич не раз тешил себя всенародными казнями и пытками, но никогда еще Москва не видела такой массовой казни, которая, очевидно, готовилась в этот день.

Кто-то пустил слух, будто царь приказал опричникам хватать обывателей на улицах и казнить поголовно всех, кто покажется, и Москва замерла. Только на Красной площади стучали топоры и визжали пилы, да кое-где по опустевшим улицам проезжали «верные слуги государевы», с метлами и собачьими головами у седел.

Часам к восьми на площади выросло 18 широких виселиц. Среди них, у Лобного места, возвышался костер, над которым висел огромный чугунный чан с водой. Костер запылал, и скоро над чаном поднялись белые клубы пара. Среди тишины, в которую погрузилась площадь, слышно было только потрескивание горящих бревен и клокотание кипятка. Рабочие, окончив свое дело, поспешили скрыться. На Красной площади остались лишь несколько опричников, наблюдавших за приготовлениями к казни.

Ровно в одиннадцать часов за кремлевской стеной раздались звуки бубнов и труб. Спасские ворота распахнулись и показалась длинная процессия. Впереди, на белом коне, ехал сам царь Иоанн Васильевич. На нем был «малый наряд», т. е. короткий парчовый кафтан, но на голове сверкал покрытый золотой насечкой шлем, у пояса висела

сабля, а в правой руке было зажато длинное копье. За царем ехал его любимый сын Иоанн. Царевич был тоже в «малом наряде» и, как царь, вооружен саблей и копьем. Кроме того, у его седла болталась метла и собачья голова, потому что он считался главным начальником опричнины.

За царевичем выехали сотни опричников, а за ними шли осужденные, которых на этот раз было около 300 человек. Измученные пытками, они еле передвигали ноги. На худых, зеленовато-бледных лицах застыло выражение страдания и полного равнодушия ко всему, что происходит. Некоторые из них даже останавливались, и тогда стража подгоняла их ударами бердышей. Это были страдальцы, обвиненные в заговоре против грозного царя. После возвращения из разгромленного Новгорода и Пскова Иоанну нужно было и в Москве устроить что-либо выдающееся по жестокости. Скуратов, угадывающий желания своего повелителя, поспешил «открыть» грандиозный заговор, во главе которого, будто бы, стоял архиепископ Пимен. В результате московские застенки и тюрьмы переполнились, начались массовые пытки и почти все, подвергавшиеся допросу, были осуждены. Среди них были знатные бояре и даже такие любимцы царя, как старший Басманов, князь Вяземский и другие.

Иоанн подъехал к Лобному месту и остановился. Он окинул взором пустую площадь, нахмурился и громко, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Собрать народ. Пусть все видят, как гибнут злодеи.

С криками «Гойда! Гойда!» опричники бросились врассыпную. По всем улицам Москвы застучали конские копыта, удары бердышей о двери и ворота. Обыватели, замирая от страха, не смели нарушить волю царя. Через полчаса Красная площадь стала заполняться народом и скоро на ней собралась тысячная толпа.

Царь, не проронивший до этого слова, повернул коня от Лобного места к народу и, возвысив голос, сказал:

— Народ! Сейчас увидишь муки и казни. Гляди, но не бойся. Се я караю изменников, умышлявших погубить меня и все мое царство. Ответствуй, прав ли суд мой?

Опричники, окружавшие Иоанна плотным кольцом, громко закричали:

— Прав! Прав! Да живет многия лета Государь Великий! Да сгинут злодеи, изменники.

Эти клики подхватила толпа, запрудившая Красную площадь. Молчать в такие минуты было слишком рискованно.

Царь подал знак и началась страшная казнь. Осужденных не просто убивали, а подвергали перед смертью мучениям, которые могла изобрести только самая развращенная фантазия.

Начали с боярина-стольника Висковатого, который провинился тем, что не согласился отдать свою шестнадцатилетнюю дочь в царский гарем. Боярина повесили вверх ногами, облили ему голову кипятком, потом Малюта Скуратов отрезал ему уши и нос, другие опричники медленно отрезали страдальцу обе руки, и только после того, как достаточно насладился зрелищем окровавленного, судорожно извивавшегося тела, палач привычным ударом перерубил его пополам.

В этот момент на кремлевской стене раздался веселый смех, который жутко пронесся над затихшей толпой. Те невольные зрители казни, которые нашли в себе силы оторвать взор от окровавленных останков замученного Висковатого, могли видеть, как среди зубцов стены сверкнули в солнечных лучах женские кокошники.

Взглянул туда и царь. Он жестом подозвал к себе Малюту и тихо сказал ему, кивнув по направлению к стене:

— Скажи, чтоб там тихо было. Соблазн больно срамной.

Малюта, привыкший понимать Иоанна с полуслова, поспешно направился к Спасским воротам. В стене башни этих ворот до сих пор сохранилась железная дверь, через которую, по узкой каменной лестнице, на кремлевскую стену поднялся грозный Скуратов. На вершине стены, за толстыми каменными зубцами, тянулся широкий коридор, из которого, через бойницы между зубцами, открывался вид на город. Красная площадь видна отсюда вся как на ладони.

Здесь, припав к зубцам стены, стояли четыре женщины, одетые в роскошные наряды. Они были настолько поглощены зрелищем казни, что даже не заметили, как к ним приблизился царский посол. Малюта подошел к одной из

них и, хотя она стояла к нему спиной, отвесил ей поясной поклон. Это была высокая, стройная красавица лет двадцати пяти. Услышав около себя шорох, она обернулась. Ее лицо, несколько смуглое, покрылось румянцем при виде Малюты, в больших глазах, опушенных длинными ресницами, сверкнул гневный огонек, густые черные брови сдвинулись.

— Что тебе нужно? — Отрывисто спросила она.

Малюта еще раз поклонился и сказал:

— Государь Иван Васильевич послал меня, холопа своего, сказать тебе, государыня, чтобы не смущала ты народ смехом своим и боярышень своих.

Красавица презрительно сжала губы.

— Скажи государю,— ответила она,— что я буду смеяться, когда мне весело; не одному ему тешиться.

Скуратов опять поклонился и ушел. Спускаясь по лестнице он бормотал:

— Ну и черт... не баба, а черт...

Эта красавица была вторая жена царя Иоанна, Мария. Она выросла среди приволья гор, умела лихо скакать на коне, отлично владела оружием. Ее отец, черкесский князь Темгрюк, был изумлен, когда ему сообщили, что московский царь, много слышавший о красоте Марии, хочет выбрать ее себе в жены.

— Она ему шею свернет! — Добродушно сказал он думному дьяку Шеину, передавшему ему сватовство царя.

Шеи Мария Иоанну, конечно, не свернула, но сумела поставить себя так, что венценосный муж исполнял все ее прихоти. На родине она с самого раннего детства привыкла к вооруженным столкновениям, к диким необузданным проявлениям мести, к крови. Когда она узнала, что предстоит торжественная казнь нескольких сот человек на Красной площади, она улучила минуту и упросила Иоанна позволить ей и трем ее любимым боярышням поглядеть на казнь с кремлевской стены. Эта просьба в первое мгновение положительно ошеломила царя. С тех пор как стояла Москва еще не было случая, чтобы женщины, хотя бы и тайно, присутствовали на казнях или, вообще, принимали участие в публичных зрелищах. Он пробовал отговорить ее, но она решительно заявила, что наложит на себя руки,

если ей не позволят быть на стене. Иоанн знал, что Мария способна привести свою угрозу в исполнение. Она однажды доказала ему это.

В первый год брака Мария потребовала, чтобы Иоанн сделал стольником ее 18-летнего брата, князя Петра Темгрюковича. Царь отказал, потому что князья Темгрюковы до той поры никогда не занимали придворных должностей, и такое назначение должно было вызвать недовольство среди приближенных государя.

— А не хочешь, государь, так я удавлюсь,— спокойно сказала Мария.

Иоанн рассмеялся. Но в ту же ночь в тереме царицы случилось неслыханное событие: Марию вынули из петли, сделанной из длинного полотенца. Царицу удалось спасти, но этот случай произвел на царя такое сильное впечатление, что он уже не перечил своей экспансивной супруге. И теперь, вопреки обычаям, он позволил ей пройти на стену, но с непременным условием, чтобы никто не знал об этом.

Понятно, что смех, вырвавшийся у Марии в момент смерти Висковатого и выдавший ее присутствие, озлобил Иоанна.

После ухода Скуратова царь отдал несколько отрывистых приказаний и казнь продолжалась. Вначале Иоанн решил помиловать около сотни осужденных, но теперь он обрек на смерть всех без исключения.

Людей обливали кипятком, резали на части, кололи, рубили, вешали. Четыре часа длился этот ужас. Царь, разгоряченный видом крови, не утерпел и сам проколол копьем трех приговоренных.

Наконец были замучены все. Опричники, залитые кровью, окружили Иоанна с громкими криками «Гойда!». Царь был доволен. Он медленно объехал площадь, покрытую изуродованными трупами. Вернувшись к Лобному месту, он весело сказал Скуратову:

— Ну, Малюта, с крамольниками разделались. Теперь надо их вдов и сирот уменьшить. Едем! За мной!

С этими словами царь поскакал прямо на толпу. За ним помчались приближенные опричники. Люди, собравшиеся на площадь по приказанию царя, не ожидали ничего подобного. Охваченные паническим ужасом, они бросались в сто-

роны, но мчавшаяся ватага безжалостно давила их. Когда царь скрылся за поворотом улицы, за ним на площади осталась широкая дорога корчившихся на земле искалеченных людей.

А с кремлевской стены опять несся веселый, серебристый смех.

Царь и царица веселились.

II

В обширных хоромах боярина Висковатого царило глубокое уныние. Все знали, что происходит на Красной площади. Боярыня заболела от горя и лежала в своей опочивальне. Около ее постели сидела вынянчившая ее старуха и напрасно старалась как-нибудь утешить несчастную. Боярыня не двигалась, молчала и упорно глядела в одну точку.

Дочь Висковатого, шестнадцатилетняя Наталья, сидела в своем тереме, окруженная сенными девушками. Здесь всегда царило молодое веселье, лились песни, звучал задорный смех, но с того дня, когда опричники схватили боярина, и в этом тереме все стихло. Раздавался только осторожный шепот, как у постели тяжелобольного, да слышались тяжелые вздохи и всхлипывания.

Одна из девушек начала было рассказывать какую-то сказку, но при первых словах боярышня разрыдалась, и снова воцарилось тяжелое молчание. Вся челядь пугливо жалась по углам и каморкам. Притихли даже шуты и шутихи, всегда наполнявшие хоромы визгом, гамом и хохотом. Было около пяти часов дня. В «стольной» палате, как обычно, слуги начали готовить стол для вечерней трапезы. Вдруг на обширном дворе раздались какие-то дикие крики. Слуги бросились к окнам и увидели нечто совсем необычное: у высокого крыльца слезал с коня сам царь. Его почтительно поддерживал Скуратов. Весь двор был наполнен конными и спешившимися опричниками, которые кричали, громко смеялись и, ради забавы, избивали плетьми челядинцев, не успевших вовремя скрыться. При виде этого зрелища, обещавшего мало хорошего, слуги поспешили спрятаться по дальним углам.

Иоанн поднялся на крыльцо. Никто его не встречал. Он остановился, бросил злорадный взгляд на окна хором и сказал, обращаясь к своим опричникам:

— Видно, ошалели здесь все от радости, что мы к ним в гости пожаловали. Никто и встретить не догадается. Придется нам самим двери открывать.

Несколько опричников бросились к тяжелой дубовой двери, она оказалась на засове.

— Не хотят здесь своего царя видеть гостем,— с притворным смирением сказал Иоанн.— Видно, лучше вертать обратно.

В это время дверь, поддаваясь ударам бердышей и натиску могучих плеч, распахнулась. Царь, зловеще нахмурившись, переступил порог. За ним последовала шумная ватага опричников.

Невозможно описать, что в это время делалось в женских теремах. Сенные девушки отчаянно визжали и метались во все стороны, но спрятаться было негде; для этого нужно было спуститься по лестнице и проскользнуть на «черную половину» хором. А внизу гудели голоса полупьяной, озверелой толпы. Среди этого смятения остались спокойными только два человека: жена и дочь казненного Висковатого. Они обе в этот день потеряли самое дорогое, что у них было на свете. Боярыня лишилась горячо любимого мужа, а ее дочь — отца и, кроме того, жениха, молодого князя Оболенского, казненного вместе с другими. Боярыня едва ли даже слышала шум ворвавшихся незваных гостей. Она продолжала лежать в той же позе, с тем же неподвижным, безучастным взглядом. Старуха-нянька причитала, всплескивала руками, ковыляла по опочивальне, пробовала молиться.

Боярышня Наталья, не обращая внимания на зловещий гул опричников и вопли сенных девушек, осталась сидеть. Ее глаза, покрасневшие от слез, были сухи. Она чувствовала, что близится что-то ужасное, но после пережитого за последние дни ей уже ничего не было страшно.

Иоанн вошел в первую, «сенную» палату и огляделся; там никого не было. Его брови еще больше сдвинулись.

— А ну-ка,— сказал он,— пошарьте, нет ли в хоромах кого, кто проводил бы нас к матушке-боярыне и к ее доченьке, девице красной.

Через минуту перед царем стояли два дрожащие от страха челядинца, вытащенные из потаенных закоулков. Стараясь говорить ласково, Иоанн приказал слугам вести его к боярыне. Об ослушании, конечно, не могло быть речи, и вся орда с царем во главе двинулась в боярскую опочивальню.

Услышав тяжелый топот нескольких десятков ног, вдова Висковатого очнулась. Она приподнялась, села на своей постели и устремила свой взор на дверь. В ней вдруг проснулась безумная надежда, что боярина помиловали и он вернулся. Но почему с ним идут ратные люди? Почему звенят кольчуги, почему...

Много вопросов еще мелькало в голове боярыни, но она даже не успела определить их сознанием. Под ударом чьей-то ноги распахнулась резная дверь, и на пороге появился царь Иоанн Васильевич. Боярыня ахнула. Она забыла, что была в одной рубахе, что волосы ее не были прикрыты кикой и пышными русыми волнами рассыпались по плечам, спускаясь до пояса. Наклонясь вперед, опершись руками о колени, она глядела на Иоанна, как маленькая птичка глядит на большую змею, зачаровавшую ее своим взглядом.

Иоанн остановился. Он не ожидал найти боярыню в постели.

Не растерялась только старуха-нянька. Она подошла к царю и прямо в лицо крикнула ему:

— Душегуб! Мало тебе, что боярина сгубил, сюда пришел лютовать! Чего тебе здесь надобно?

Может быть, Иоанн, неожиданно для себя попавший в опочивальню боярыни, не дал бы волю своим кровавым инстинктам, но выходка старухи привела его в ярость.

— Чего мне здесь нужно? — прохрипел он.— Сейчас узнаешь, старая ведьма. Малюта! Повесь-ка ее вверх ногами, пока я с боярыней потолкую.

Опричники бросились на няньку, забили ей рот какой-то тряпкой, привязали к ее ногам длинный кушак и повесили ее к притолоке.

Боярыня все молчала. Царь подошел к ней. В его глубоко запавших глазах горел мрачный огонь, обещавший мало хорошего.

— Ну, матушка-боярыня,— заговорил он тем вкрадчивым голосом, которым всегда начинал беседу с мысленно приговоренными им к пыткам и смерти.— Милаго дружка твоего на части разрезали. Не составить их опять вместе. Выходит, что казна его теперь к нам, к государю перейти должна. Затем мы к тебе и в гости пожаловали. Не откажи, боярыня, поведай нам, где та казна хранится.

Боярыня молчала. Едва ли она даже слышала, что ей говорил Иоанн. Он усмехнулся и обратился к Скуратову:

— А что, Малюта, у боярыни, кажись, язык к губам привязан? Не развязать ли нам его?

Малюта привык понимать царя с полуслова; откуда-то явился горшок с раскаленными углями, из-за поясов сверкнули ножи и началась пытка. Два часа мучили несчастную боярыню, но не добились от нее ни слова. Появление страшного царя так потрясло ее, что она впала в столбняк и, вероятно, даже не чувствовала боли. Опричники, обозленные ее молчанием, которое они объясняли упорством, переусердствовали и замучили Висковатую до смерти.

Увидев перед собой труп, Иоанн сказал:

— Кряжистая была баба. Ну, обойдемся и без нее. У нас еще дочка осталась.

Боярышня Наталья, между тем, несколько пришла в себя. Она послала одну из сенных девушек вниз узнать, что значит этот шум. Через несколько секунд девушка вбежала в терем с лицом, искаженным ужасом.

— Ахти нам,— крикнула она, задыхаясь.— Опричники к матушке-боярыне пошли. И сам царь с ними.

В тереме поднялся визг. Девушки бросились прятаться. Одна Наталья осталась безучастной. Несмотря на свою молодость, она знала, что означает это посещение царя...

Прошло два часа. Боярышня все время неподвижно сидела в том же месте. Снизу доносился смутный гул. Но вот гул начал расти, приближаться. На лестнице раздались тяжелые шаги и через минуту в терем вошел Иоанн. Очевидно, долгая пытка боярыни после массовой казни на Красной площади пресытила его кровью. Глаза у царя потухли, на губах была утомленная, почти ласковая улыбка.

— Здравствуй, пташка,— сказал он.

Наталья поднялась с кресла. Не отдавая себе отчета в том, что делает, она подошла к Иоанну и со всего размаха ударила его кулаком по лицу. На нее бросились сопровождавшие царя опричники и в одно мгновение скрутили ее кушаками. Этот поступок ошеломил царя. Несколько секунд он помолчал. Все чувствовали, что он придумывает боярышне род казни. Наконец, он хрипло рассмеялся и сказал:

— Храбрая девка! — Надо ее потешить. Ну-ка, царевич, покажи ей свою удаль молодецкую. Ведь, чай, девку-то потешить можешь! А вы,— обратился он к опричникам,— потешьтесь с другими девицами. Немало их тут, небось, по углам попряталось. Я же посижу, отдохну маленько.

С этими словами Иоанн опустился в кресло. Опричники скоро разыскали сенных девушек, царевич Иоанн бросился к Наталье, и здесь же, в тереме, началась оргия...

III

С детства не знающий удержа, развращенный боярами, которых он потом безжалостно казнил, Иоанн всю жизнь был жрецом разврата. История знает только две недели, когда он вел сколько-нибудь человеческую жизнь. Это были две недели после его первого брака.

16 февраля 1546 года семнадцатилетний Иоанн Васильевич женился на Анастасии Захарьиной. Род Захарьиных был не из знатных, но Анастасия пленила царя своей красотой и, главное, своей мягкой женственностью. Иоанн узнал женщин с тринадцатилетнего возраста. Бояре, стремясь отвлечь его от дел правления, наперерыв устраивали ему любовные связи. Благодаря этому царь менял своих любовниц чуть ли не каждый день. За четыре года бояре сосватали ему несколько сот девушек. Конечно, это, по большей части, были девицы, искушенные в любовных чарах, старавшиеся завлечь царя кокетством и поддельной страстностью. Среди бояр об Иоанне сложилось мнение, что он любит бойких, страстных женщин.

Несмотря на всю уродливось условий, среди которых протекало детство царя, у него, где-то в укромном уголке

души, слабо тлела искра жажды тихого счастья. На «смотру», устроенном, по обычаю, для венчанного жениха, Иоанн поразил всех своим выбором. Боярышни, собранные со всего царства, кокетливо улыбаясь, так или иначе старались обратить на себя внимание царя, а он выбрал Захарьину, скромность которой вызывала насмешливые улыбки.

С обычной пышностью была отпразднована свадьба. Все с любопытством ждали, как поведет себя царь. Как раз в это время Иоанн, под давлением Сильвестра, торжественно утвердил перемену правления. Он созвал со всего царства выборных людей и святителей и с благословения митрополита велел собрать Раду, которая должна была управлять страной. Таким образом, он почти устранил себя от государственных дел и мог отдавать много времени семейной жизни.

Прошла неделя, и бояре не узнали царя. Прекратились жестокие забавы с медведями и шутами, не было слышно «срамных» песен, исчезли девушки, наполнявшие терема дворца. Иоанн был со всеми приветлив, щедро помогал нуждающимся. Он даже выпустил из казематов и застенков многих заключенных. Эту перемену всецело приписывали влиянию его молодой жены. Действительно, Анастасия всеми силами старалась оказывать на царя благотворное влияние, но, если ей это и удавалось, то, как показало будущее, лишь потому, что Иоанну нравился резкий контраст между прежней бурной жизнью и тихим семейным счастьем. Это была первая и последняя вспышка той искорки, которая таилась в нем.

Как уже сказано, Иоанн вел семейную жизнь всего две недели. В первых числах марта в нем произошла резкая перемена, и притом без всякой видимой причины. Однажды утром он позвал к себе в опочивальню одного из дежурных бояр. Анастасия кротко заметила ему, что негоже звать мужчину в опочивальню, когда она, царица, лежит в постели.

Иоанн цинично расхохотался и крикнул:

— Какая ты царица?! Как была ты Настька Захарьина, так и осталась. Захочу — сегодня же тебя в монастырь заточу и опять женюсь.

Анастасия, не ожидавшая ничего подобного, тихо вскрикнула и расплакалась. В это время вошел боярин. Он был

очень смущен. Не только в царскую, но и в боярскую опочивальню вход посторонним мужчинам был всюду закрыт. Боярин остановился у двери, отвесил низкий поклон и стал ждать приказаний.

— Слушай, Семен Федорович! — сказал Иоанн, приподнимаясь на постели.— Скажи там, чтобы медведей приготовили. Поиграть охота пришла.

Анастасия вздрогнула. Она знала, какие ужасы творились во время таких «игр», и надеялась, что царь от них отказался навсегда. Боярин еще раз поклонился и вышел. Это был Оболенский, которому предстояло скоро самому пасть жертвою «игр» царя.

После ухода боярина Анастасия стала умолять Иоанна отказаться от его затеи.

— Вспомни, государь,— говорила она,— как мы с тобой до сей поры жили. Как у нас все было тихо, да ясно.

— Надоела мне тишина эта,— ответил Иоанн, вставая с постели. Все одно и то же. Буду жить как раньше жил.

Молча одевшись, он вышел из опочивальни, не обращая внимания на ласковые уговоры Анастасии.

В то же утро на «царской площадке», перед Грановитой палатой состоялись «игры». Царь любил, чтобы в них принимали участие люди, не знавшие, что их ожидает. Для этого обыкновенно призывали каких-нибудь посадских людей, предпочтительно — из дальних посадов. Так было и теперь. Как раз в Москву прибыли несколько дальних посадских, у которых были какие-то тяжебные дела. Они остановились в слободе, которая потом получила название Лефортовской. За ними послали сани. Дьяк объявил им, что их хочет выслушать сам государь. Посадские засуетились, надели лучшие кафтаны и помчались в Кремль. Их привели прямо на царскую площадку, где уже собрались бояре, дьяки, служилые и ратные люди. Красное крыльцо было загорожено высокой решеткой. На нем стояли приближенные царя. Посадских поставили перед крыльцом. Вокруг них замкнулся круг ратных людей, державших в руках копья. Через несколько минут на Красном крыльце произошло движение. Несколько молодых рынд вынесли кресло с высокой спинкой и поставили его на верхней площадке. Вслед за ними вышел Иоанн. Пло-

щадь огласилась приветственными кликами, на которые царь ответил легким кивком головы. Он уселся в кресло, подозвал к себе младшего Басманова и тихо сказал ему:

— Начинай.

Басманов выступил вперед и обратился к посадским:

— Великий Государь, царь всей Руси, Иоанн Васильевич, жалует вас, посадские люди, своею милостию.

Посадские бросились на колени.

— А милось та в том, что изволил государь допустить вас к игре пред его царскими очами.

Басманов подал знак. Круг расступился. Показались три огромных бурых медведя. Каждого из них, на длинных цепях, прикрепленных к кольцам, продетым через носы животных, вели несколько конюхов. Звери, привыкшие к таким забавам, нетерпеливо рвались вперед. Увидя медведей, посадские ахнули и окаменели. Еще один знак Басманова, конюхи отпустили цепи, и звери бросились на свои жертвы. Круг опять сомкнулся.

Посадские в ужасе бросились бежать, но бежать было некуда: они находились в кругу, и всюду их встречали острые копья ратных людей. Медведи догоняли их. Безоружные посадские, в порыве смертельного отчаяния, пытались защищаться голыми руками, метались, падали, кричали. Царь, глядя на эту жуткую травлю, громко хохотал. Ему вторили бояре. Дьяки и прочие люди низшего ранга почтительно хихикали, но в душе трепетали: участь посадских каждый день могла постигнуть и их самих.

«Потеха» скоро кончилась. Посадских, одного за другим, медведи подминали под себя. Трещали кости. Привычным движением могучих лап звери брали свои жертвы за затылок и сдирали кожу с волосами. Камни площадки покрывались кровью и корчившимися телами. Иоанн хохотал до слез.

Наконец, сами медведи прекратили забаву. Облизываясь, они уселись в ожидании, когда их поведут назад в клетки. Царь встал и ушел. За ним последовали бояре. Конюхи взялись за цепи, площадка начала пустеть.

Прямо с «игр» царь отправился обедать. Вопреки обычаям дворца, после свадьбы он требовал, чтобы за столом появлялась царица. Обыкновенно ее предупреждали за-

ранее, и она приходила раньше царя, чтобы встретить его у стола поклонами. Иоанн вошел в стольную палату и остановился. Кроме слуг и дежурных стольников там никого не было. Он нахмурился и спросил, ни к кому не обращаясь:

— Где царица?

Два стольника опрометью бросились в терем. Через несколько секунд они вернулись и доложили, что царице неможется.

— Вздор! — крикнул царь.— Позвать ее. А то и привести! — послал он вдогонку стольникам.

Анастасия, действительно, была совсем больна. Не зная, что «игры» царя происходят на площадке перед дворцом, она подошла к окну своего терема и увидела страшную картину травли. Это ее так потрясло, что с ней сделалась истерика. Тем не менее, нужно было повиноваться. Анастасия освежила лицо холодной водой и, едва держась на ногах, направилась в стольную палату. Царь встретил ее мрачным подозрительным взглядом, но ничего не сказал. Только в его шутках за обедом чувствовалось желание сделать ей что-нибудь неприятное. С веселым хохотом он вспоминал отдельные эпизоды травли и обещал Анастасии следующий раз взять ее с собою на Красное крыльцо. Этот обед был поминальной трапезой для семейной жизни Иоанна.

IV

Женатый царь снова повел холостой образ жизни. Он предоставил все дела правления боярам, а сам всецело отдался охоте, жестоким играм, поездкам по монастырям и, главным образом, оргиям. К концу третьей недели после свадьбы Иоанна, московский дворец снова наполнился женщинами, число которых доходило до пятидесяти. Царь уже не требовал, чтобы к столу выходила Анастасия. В стольной палате за трапезой присутствовали десятки женщин.

Среди них были жены и дочери дьяков, нередко даже бояр. Этим путем многие успешно снискивали царскую милость. Например, исключительно благодаря своей красивой дочери, возвысился мелкий дьяк Шемурин, который был

возведен в боярский сан. Анастасия совершенно отошла на задний план. Правда, иногда у Иоанна пробуждалось к ней какое-то чувство, он ласкал ее, терпеливо выслушивал ее упреки, иногда даже приказывал, чтобы за трапезой в стольной палате не было ни одной женщины, и приглашал туда царицу, но эти вспышки делались все реже. Анастасия утратила всякое влияние на своего державного супруга.

Прошел год. Поведение Иоанна делалось все страннее. Было достаточно малейшего повода, чтобы привести его в ярость. Во всех своих действиях он руководился только капризами, впечатлениями минуты. Однажды Анастасия, воспользовавшись хорошим настроением державного супруга, попросила его определить на придворную службу одного из своих родственников. Почему-то эта просьба показалась царю подозрительной. Он бросился на Анастасию с кулаками, несколько раз ударил ее и потом ушел, многозначительно сказав:

— Хорошо, сделаю по-твоему.

На другой день родственника царицы привезли во дворец и одели в наряд шута. Ничего не подозревавшая царица, по приглашению Иоанна, вышла в стольную палату. Ей в глаза бросился шут, стоявший в углу. Шут стоял понурившись, так что лица его нельзя было разглядеть.

— Вот,— весело обратился Иоанн к царице.— Вчера ты просила меня определить во дворец Василия Захарьина. Сегодня он уже здесь. Василий Захарьин! — возвысил голос царь.— Иди сюда!

Анастасия изумленно оглянулась. В это время от стены отделилась фигура печального шута, и в нем царица узнала своего родственника.

— Василий! — обратился к нему царь.— Благодари царицу за милости. Она меня упросила.

Захарьин поднял глаза, в которых светилась ненависть, смешанная с укором. Он сделал еще несколько шагов, остановился и заговорил:

— Спасибо тебе, матушка-царица! Пожаловала ты меня! Весь род Захарьин превысила! На том бью тебе челом. Только напрасно меня шутом поставила. Сама шутить горазда. Уместнее пристало бы тебе шутихой быть.

Царь захохотал. Анастасия была близка к обмороку.

— Да и государь-батюшка,— продолжал Захарьин,— шутить дюже умеет. И на него шутовской кафтан пристал бы.

И на него...

Иоанн вскочил. Лицо его судорожно подергивалось. Вскочили и все другие участники трапезы.

— Басманов! — прохрипел царь.— Сейчас же после трапезы... медведей.

Басманов ушел. За ним увели Захарьина.

— А тебе...— обратился Иоанн к Анастасии,— я давно обещал показать игру. Сегодня увидишь.

— Нет, не увижу,— твердо сказала Анастасия.— Не увижу. Убить меня ты можешь, но заставить глядеть не в твоих силах.

С этими словами Анастасия поднялась и, гордо взглянув на царя, удалилась. Иоанн был ошеломлен. Ему казалось, что кто-то подменил его кроткую, терпеливую Анастасию. Несколько минут в стольной царило молчание. Все ждали, что царь сурово накажет царицу. Но у неуравновешенного Иоанна бывали минуты, когда им овладевало великодушие. Совершенно неожиданно он рассмеялся и воскликнул:

— Ну, и без нее обойдемся.

Гроза для царицы миновала. Веселая трапеза пошла своим чередом. А через два часа на царской площадке лежал Василий Захарьин, весь изломанный самым злобным медведем. Царь, по обыкновению, сидел на Красном крыльце. Он заливался хохотом и кричал:

— Славно! Хорош у меня новый шут! Распотешил!

Анастасия лежала в глубоком обмороке.

Это было 11 апреля 1547 года. На следующий день в Москве вспыхнул пожар, продолжавшийся около трех месяцев. Несмотря на все старание обывателей, пожар не утихал. Москва обволоклась густой пеленой удушливого дыма, от которого днем было почти так же темно, как ночью. Через неделю огонь стал угрожать Кремлю. По совету ближних бояр, Иоанн удалился во временный дворец села Воробьева. Прошла еще неделя, и загорелись строения в Кремле. Огонь не пощадил и царского дворца. Горели арсеналы,

в которых хранились большие запасы пороха. Изредка всю Москву сотрясали глухие взрывы. Дым был настолько удушлив, что во время церковной службы едва не погиб митрополит, служивший в Успенском соборе.

Наконец, в июне пожар прекратился. От двух третей Москвы остались обгорелые развалины. В главных очагах пожара температура была настолько высока, что расплавлялись железные скрепы каменных домов. Население было разорено. Началась полоса общего недовольства. Народная молва обвиняла в пожаре ближних бояр. Иоанн затих. Страшное бедствие поразило его. Он прекратил оргии и кровавые потехи. Целыми днями молился или беседовал с духовными лицами. Эта перемена очень радовала Анастасию, которая к тому же всецело погрузилась в заботы о недавно родившемся сыне, Дмитрии. Иоанн щедро жертвовал на восстановление Москвы. Чтобы добыть денег, он даже продал иноземцам некоторые свои драгоценности. Спешно ремонтировался и кремлевский дворец. Царица, со своей стороны, помогала населению всем, чем могла. Она, с разрешения Иоанна, отдала почти все свои украшения. За это народ прозвал ее «Милостивой».

Прошло два года со времени пожара Москвы. Город отстроился и принял почти прежний вид. Иоанн, к радости Анастасии и народа, оставался мягким, доступным и отзывчивым. Как и в первое время после пожара, он проявлял крайнюю религиозность, посещал московские монастыри и храмы, всюду служил молебны, делал щедрые вклады. Очевидно, стихийное бедствие произвело на него огромное впечатление.

Во время пожара Иоанн дал обет посетить некоторые дальние обители, между прочим — монастырь св. Кирилла, на Шексне (теперь — Вологодской губернии). Он выехал в это паломничество в начале 1551 года, в сопровождении царицы и сына. По дороге заехали в обитель св. Сергия, где доживал свои дни знаменитый Максим Грек. Старец убеждал царя отказаться от такого далекого путешествия, но Иоанн был непреклонен. При прощании Грек сказал царю:

— Помни, Государь, что ты берешь на себя тяжелое бремя. Царевич не вернется в Москву.

Пророчество сбылось. Царевич Дмитрий скончался в дороге.

Когда Иоанн вернулся в Москву, в Кремлевском дворце потекли унылые дни. Анастасия тосковала о сыне, похороненном где-то на берегу реки Яхромы, а царь с утра до ночи молился.

В 1557 году родился Федор Иоаннович, и это еще более усилило значение царицы в глазах бояр. Но на Иоанна она уже не имела никакого влияния. В нем к этому времени начал просыпаться будущий беспощадный мститель боярщине, искалечившей его в детстве.

В 1560 году, 7 августа, царица Анастасия скончалась. Она хворала всего три дня, и самые искусные медики не могли определить ее болезни. Упорно говорили, что царицу отравили.

Иоанн был искренне, глубоко опечален смертью Анастасии. Во время похорон он шел за гробом, плакал, рвал на себе волосы. При виде его горя плакали многие бояре, а во время опускания гроба в могилу митрополит даже разрыдался.

Целую неделю после похорон Анастасии Иоанн провел в одиночестве, не показываясь даже ближним боярам. Наконец, он вышел в приемную палату. Но это был уже совсем другой человек. Тридцатилетний царь сгорбился, лицо было желтое, прорезанное морщинами. Глубоко ввалившиеся глаза беспокойно бегали, горели недобрыми огоньками. Для Иоанна началась новая жизненная полоса, давшая ему печальную славу «Грозного». Новая полоса началась и для всей Руси.

V

Летописец говорит:

«Умершей убо царице Анастасии нача царь быти яр и прилюбодействием зело».

Все инстинкты, которые Иоанн сдерживал за последние годы, теперь развернулись стихийно. Стены Кремлевского дворца, видавшие много, никогда не были свидетельницами такого необузданного разврата, который воцарился в них

после кончины царицы Анастасии. Весь дворец был превращен в сплошной гарем, где всякой приближенный боярин был обязан участвовать в оргиях. Не желавших подчиняться этому обычаю ждала суровая расправа.

Через неделю после погребения царицы Иоанн устроил роскошный пир, в котором, кроме его любимцев, приняли участие и женщины, наводнявшие дворец раньше. К концу пира началась настоящая оргия. В угоду царю, бояре совершенно перестали стесняться. Остался сдержанным только престарелый князь Оболенский. Иоанн обратился к нему с вопросом, почему он не принимает участия в общем веселье.

— Государь,— дрожащим голосом ответил князь.— Больно видеть мне на старости лет, как русский царь в скомороха обращается и не хочу я сам скоморохом быть. Взгляни вокруг себя: за царским столом сидят пьяные девки. То ли украшение для твоей стольной! Вспомни родителя твоего, Василия Иоанновича! При нем не было здесь такой срамоты. Чинно совершалась здесь трапеза, велись речи разумные, не слышно было смеха пьяного, да песен срамотных. Вели казнить меня, а не выносит душа моя этого скоморошества.

Иоанн побледнел. Его губы судорожно подергивались. Но он сдержал себя и притворно ласково сказал:

— Спасибо тебе, князь Иван, что заботишься о нашем царском величии. Верно ты служил моему батюшке и ценю я твои заслуги. Отпускаю тебя на сегодня. Приходи завтра к полднику, увидишь другую трапезу.

Оболенский низко поклонился и ушел.

На другой день, к полудню, князь явился во дворец. Его провели в стольную палату. Там он нашел царя и нескольких его приближенных. Женщин не было. Царь встретил князя очень милостиво, усадил его возле себя, сам накладывал ему кушанья. В середине трапезы, когда слуги разливали рейнское вино, царь приказал подать Оболенскому «большую чашу». Это считалось особым почетом для гостей. Слуга с глубоким поклоном поднес князю наполненный вином золотой кубок на серебряном подносе. Оболенский встал, взял кубок, поклонился царю и, по обычаю, залпом выпил вино. Не успел он опуститься на скамью, как

на его губах выступила пена. Он зашатался и тяжело рухнул на пол. Кубок, звеня, покатился по столу.

— Князь опьянел от радости,— презрительно сказал царь.— Вынесите его.

Оболенского унесли. Сейчас же в стольной палате появились женщины и пир продолжался.

Через несколько дней после расправы с Оболенским Иоанн расправился с князем Репниным. После разнузданной оргии царь велел позвать музыкантов и принести маски. Он сам надел шутовскую маску и пустился в пляс. Присутствовавший при этом князь Репнин не выдержал и заплакал. Иоанн подбежал к нему и хотел надеть на него маску. Князь вырвал ее из рук царя, растоптал ногами и крикнул:

— Государю ли быть скоморохом? По крайности я, боярин и думский советник, скоморохом быть не хочу.

Иоанн выхватил из-за пояса нож и вонзил в грудь старика.

Такие расправы происходили почти каждый день. Бояре начали трусить. Отправляясь во дворец, никто из них не знал, вернется ли он домой живым. Наиболее именитые из них стали совещаться между собою. В конце концов решили, что царю необходимо жениться вторично. Все помнили, что при жизни царицы Анастасии царь, хотя и развратный, не отличался особой кровожадностью. Надеялись, что новая женитьба подействует на него благотворно.

18 августа 1560 года бояре во время приема били челом царю и просили его выбрать себе вторую жену. Иоанн спокойно выслушал их и объявил, что он уже сам думал об этом и даже выбрал себе невесту, Екатерину, родную сестру польского короля Сигизмунда-Августа. Такой брак был бы очень выгоден в политическом отношении, и бояре поспешили принять меры к его осуществлению. В Варшаву отправилось особое посольство, которое должно было передать польскому королю предложение московского царя.

Сигизмунд-Август очень дорожил дружбой с Москвой, но слухи о безобразиях, творившихся в царском дворце, уже успели донестись до Варшавы. Польский король не решался пожертвовать сестрой ради политических интересов. Кроме того, и самые эти интересы делались довольно сом-

нительными. Иоанн вел войну с Ливонией, русские войска побеждали, а польский король, в свою очередь, мечтал захватить часть Ливонии и вел об этом переговоры с Ливонским орденом. После перехода Ливонии во власть московского царя о возможности захвата нечего было и мечтать. Сигизмунд-Август решительно отказал московским послам.

Отказ нисколько не огорчил Иоанна. Сомнительно даже, женился ли бы он на Екатерине в случае согласия польского короля. Внимание Иоанна было обращено на юную черкешенку Марию, дочь черкесского князя Темгрюка. Один из новых любимцев царя, князь Вяземский сказал ему, что в Москву приехал черкесский князь Темгрюк с дочерью «красоты неописанной». У Иоанна сладострастно загорелись глаза.

— Добудь мне ее! — воскликнул царь.

— Ну нет, государь,— ответил Вяземский.— Это даже тебе не под силу. Коли обидишь Темгрюка, не миновать нам войны. А сам знаешь, что вся наша рать в Ливонии, на польской границе, да против татар стоит. Нельзя нам воевать с черкесами.

— А коли так,— решительно сказал Иоанн,— покажи мне эту княжну. Придется по нраву — женюсь на ней.

Темгрюку передали желание царя видеть его во дворце с дочерью. Князь приехал. Дикая красота молодой черкешенки вскружила голову Иоанну. Мария стала невестой московского царя. Однако свадьбу пришлось отложить на целый год. Княжна совсем не говорила по-русски и даже не была крещена (имя Мария она получила при крещении). Бракосочетание состоялось 21 августа 1561 года.

Новая царица оказалась прямой противоположностью доброй Анастасии. Выросшая среди кавказских гор, привыкшая к охоте и опасностям, она жаждала бурной жизни. Тихая теремная жизнь ее не удовлетворяла. Мария охотно появлялась в стольной палате, с восторгом присутствовала на медвежьих травлях и даже, к ужасу бояр, с высоты кремлевских стен наблюдала за публичными казнями. Она не только не удерживала Иоанна от кровавых расправ, но сама толкала его на них. Понятно, что бояре невзлюбили новую царицу. Старый любимец и советник Иоанна, боярин Адашев, однажды осмелился заметить царю, что не при-

стало московской царице присутствовать на забавах и лазить на крепостные стены. На другой день Алексей Адашев был отправлен в ссылку. Иоанн не казнил его только потому, что у Адашева было слишком много друзей и казнь могла вызвать волнение. Но родственников Алексея Адашева царь не пощадил. Через несколько дней на Красной площади были казнены: брат Алексея Адашева, Данила, с двенадцатилетним сыном, его тесть Нуров, три брата его жены, Сартины, его племянник Шишкин с двумя детьми и племянница Марская с пятью сыновьями. Все они были обвинены в «злом умысле» против царицы. Нашлись услужливые свидетели, показавшие, что все эти лица грозились извести царицу. При обыске были найдены мешочки с какими-то травами.

Бояре ненавидели Марию, и она платила им тем же чувством. Чтобы прочнее привязать к себе царя, она потакала его наклонностям к разврату. Она окружала себя самыми красивыми девушками и сама указывала на них Иоанну. Оргии стали происходит в теремах царицы, чего прежде никогда не было. Таким образом, после второго брака Иоанн стал вести еще более разнузданный образ жизни. Мария, поощрявшая разврат, и сама не стеснялась. Почти на глазах у Иоанна она чуть ли не каждый день меняла любовников. Отуманенный вином и всякими излишествами, царь не замечал этого. Если же находились бояре, осмелившиеся намекать ему, что царица ведет образ жизни, недостойный ее высокого положения, Мария немедленно принимала меры, и смельчак попадал в ссылку или на плаху.

Мария приобрела огромное влияние на Иоанна. Она изучила его слабости и умело пользовалась ими. В значительной степени ей Русь обязана возникновением опричнины. Царь и раньше относился к боярам подозрительно, но под влиянием Марии он в каждом боярине стал видеть лютого врага. Его окружили новые любимцы: Малюта Скуратов, Федор Басманов, князь Афанасий Вяземский, Бельский, Василий Грязной и другие. После смерти митрополита Макария духовником царя стал архимандрит Чудова монастыря Левкий, родной брат Грязного. Эти люди, признававшие только свои личные интересы, не стеснялись в выборе средств. Они приобрели расположение царицы,

всячески потворствовали ей, льстили, расхваливали ее царю и в то же время замкнули Иоанна и Марию в плотное кольцо, через которое не мог проникнуть никто другой. Князь Вяземский первый предложил Иоанну создать особую дружину борцов с крамолой. В эту дружину должны были войти «лучшие люди» и, конечно, прежде всего ближайшие любимцы царя. Чтобы успешнее склонить Иоанна к осуществлению этого проекта, Вяземский и Грязной «открыли» грандиозный заговор, в котором будто бы были замешаны десятки бояр. Этот несуществующий заговор изобразили в таких ярких красках, что Иоанн испугался и бежал в Коломенское, а оттуда перебрался еще дальше, в село Тайнинское. Мария ехала с ним. В Тайнинское явилась депутация от бояр и духовенства. От имени населения Москвы царя умоляли вернуться в столицу. Иоанн не хотел слышать об этом. Целый месяц (с 3 января по 2 февраля 1565 года) Иоанн упрямился. Наконец, он объявил, что возвратится в Москву, если бояре согласятся на его условия. А условия он обещал объявить в Москве. Бояре, конечно, должны были согласиться, и царь вернулся в Кремль. Тридцатилетний Иоанн выглядел дряхлым стариком. Желтая, морщинистая кожа обтягивала череп, на котором не осталось почти ни одного волоса. Из глубоких впадин глядели совершенно тусклые, безжизненные глаза. Бояре не узнали своего царя. Но в этом теле, дряхлом по виду, жил могучий злобный дух. Когда, через неделю после возвращения в Москву, были объявлены «условия» царя, все ахнули.

Иоанн назначал себе тысячу телохранителей и называл их опричниками. Он объявлял своей личной собственностью около двадцати богатых городов и большинство московских улиц. Эту часть Руси и Москвы он называл «опричниной» и объявлял себя полным ее хозяином. В ведение бояр отдавалась остальная часть государства «земщина». До начала раздела «земщина» обязывалась уплатить царю огромную для того времени сумму в 100 000 рублей, в возмещение расходов по пребыванию в селе Тайнинском. Боярам оставалось только покориться.

Наступила кровавая полоса опричнины.

В первое время опричники вели себя сравнительно скромно. Царь придумал для них особую «форму», к их

седлам были привязаны собачьи головы и метлы в знак того, что они призваны грызть царских лиходеев и выметать крамолу с земли русской. Опричники скоро стали находить «крамолу» среди зажиточного населения. Они попросту занялись грабежами. Ватагами они нападали на купцов, нагружались ценным добром, а при малейшем сопротивлении убивали ограбленных. Когда возникали жалобы, виновные заявляли, что пострадавший уличен в злых умыслах, и дело немедленно прекращалось. Убедившись в своей безнаказанности, опричники осмелели. Они стали совершать набеги даже на боярские вотчины. При этом предусмотрительно избирались бояре, впавшие в немилость у царя. Их жалобы, конечно, оставались без последствий.

Чтобы вполне обеспечить себе безнаказанность, главари опричнины каждый день доносили царю об открытых ими боярских заговорах. Это особенно любопытно потому, что в начале XIX века французский министр полиции Фуше последовал примеру русских опричников XVI века, сказав свою знаменитую фразу:

«Чтобы держать императора в руках, нужно всегда иметь наготове пару хороших заговоров».

Опричники своими непрерывными открытиями «заговоров» так напугали Иоанна, что он решил покинуть Москву и переселиться в Александровскую слободу. Мария, отлично знавшая, что царя лишь пугают, не последовала за ним и осталась в Кремле. Иоанн отнесся к этому равнодушно. Мария как жена перестала для него существовать. Он снова завел обширный гарем, в котором чувствовал себя прекрасно. Царица, не стеснявшаяся и раньше, в отсутствие царя дала полную волю своим порочным инстинктам. В Кремлевском дворце, на его женской теремной половине, начались оргии, нисколько не уступавшие оргиям, которые видела стольная палата. Своим главным фаворитом царица избрала пылкого Афанасия Вяземского. Но, так как князь приезжал в Москву не каждый день, она дарила своим вниманием многих других. Она совершенно перестала стесняться. На пирах, которые устраивались во дворце чуть ли не каждый день, она появлялась простоволосая, что в то время для замужней женщины считалось совершенно непозволительным. Она вспомнила свою юность и нередко носила

национальный черкесский костюм, выгодно выставлявший ее фигуру, но резко отличавшийся от целомудренных одежд русской женщины XVI века. Слухи о том, что делается в царском дворце, распространялись среди населения Москвы и, как всегда в таких случаях, принимали легендарные формы. Рассказывали, что царица показывается мужчинам совершенно обнаженная, что у нее в теремах живут тридцать любовников, которых она по очереди требует к себе, и т. д. Эти слухи дошли до Александровской слободы. Малюта счел долгом передать их царю. Иоанн усмехнулся и сказал:

— Узнаю царицу. Пусть веселится. А мы за нее Господу помолимся.

К этому времени царский дворец в Александровской слободе был обращен в нечто среднее между крепостью и монастырем. Кругом возвышались прочные стены с бойницами, из которых мрачно выглядывали жерла пушек. На вышках дежурили дозорные, железные ворота всегда были заперты. Иоанн, начавший проявлять несомненные признаки помешательства, решил, что для него и его приближенных настало время покаяния. Он выбрал триста самых отчаянных опричников и объявил их иноками. Себя он назначил игуменом, князя Вяземского — келарем, Малюту Скуратова — параклесиархом. Всем были сшиты рясы, скуфьи и прочие принадлежности иноческого облачения. Кроме того, для Иоанна были изготовлены ризы.

Почти каждую ночь, около четырех часов, царь в сопровождении Малюты и царевича Иоанна поднимался на колокольню и начинал звонить в колокол. Со всех сторон в церковь спешили опричники. Случайный посетитель мог бы подумать, что он находится в настоящем монастыре. Эти черные фигуры, одетые в подрясники, со скуфьями на головах, ничем не отличались от простых монахов. Звон умолкал. В обширном храме, тускло освещенном лампадами, появлялся царь. Сгорбленный, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, в длинной мантии, с посохом игумена в правой руке, он производил впечатление инока-молитвенника. Начиналась служба, которая длилась часа три-четыре. Служил священник, но царь все время находился в алтаре и клал земные поклоны. Делал он это

так усердно, что на лбу у него постоянно была опухоль. Такого же усердия он требовал и от «братии». Царь строго следил за тем, чтобы все опричники посещали эти ночные службы. Ослушникам грозила суровая кара: заключение в сыром подвале, почти без пищи, на десять-пятнадцать дней.

Служба кончалась в 7—8 утра. Затем все отправлялись в обширную стольную палату, которую Иоанн велел называть «трапезною». Здесь начинался завтрак. Царь не принимал в нем участия. Он становился за аналой и читал жития святых. За этими завтраками вино лилось рекой и к девяти часам, когда нужно было отправляться к обедне, «братия» была в сильно приподнятом настроении. После обедни, во время которой царь опять бился лбом о каменный пол, все снова собирались в трапезной. К этому времени иноческие одежды снимались. Блистали парчовые кафтаны, золотое шитье и драгоценные камни. Во время обеда настроение еще больше поднималось. Появлялись женщины и часам к трем дня «монастырь» оглашался визгом, пьяным хохотом и непристойными песнями. Среди такой обстановки, конечно, Мария совершенно не была нужна царю и он равнодушно относился ко всем доходившим до него слухам.

Мария, ободренная равнодушием Иоанна, постепенно дошла до крайности. Она, вопреки древним традициям, стала показываться на улицах Москвы в открытых экипажах рядом со своими любовниками.

Несмотря на равнодушие, с которым Иоанн относился ко всем слухам о разгульной жизни Марии, он следил за каждым ее шагом. Ее похождения с любовниками его мало интересовали, но когда ему сообщили, что царица организует партию, которая намерена свергнуть его с престола, он решил принять меры.

У Марии, действительно, зародилась такая мысль. Момент для переворота был очень удобен. Страна, истерзанная опричниками, управляемая случайными временщиками, многие из которых кончили жизнь на эшафоте, совершенно отвыкла от единодержавного управления. Иоанн, замкнувшийся в Александровской слободе, казался своим подданным каким-то призраком. Свержение его не произвело бы сколько-нибудь яркого впечатления. Впервые эту мысль вы-

сказал молодой боярин Андрей Федоров, которого среди других приблизила к себе царица. Федоров происходил из захудалого рода, но обладал честолюбием, доходившим до болезненности. Сделавшись любовником царицы, он стал мечтать о царском венце. К нему примкнули еще несколько молодых бояр. Создавалось нечто вроде заговора. Втайне вырабатывался план убийства Иоанна и его приближенных.

Федоров, носивший звание конюшего, почти ежедневно бывал в Александровской слободе, но не числился в опричниках. Однажды, после веселой трапезы, Иоанн предложил рядиться.

— Да что! — воскликнул царь.— Нарядить кого-нибудь из нас царем. Погляжу, какие окромя меня цари бывают.

Принесли царский наряд, посох и венец.

— Федоров, облачайся! — приказал царь.

Среди общего смеха боярин надел царские одежды. Иоанн собственноручно надел ему на голову венец, вручил посох, потом повел к возвышению, на котором стояло кресло и усадил его. Сделав это, царь низко поклонился и сказал:

— Здрав буди, великий царь земли русской. Се приял ты от меня честь, тобою желаемую. Но, имея власть сделать тебя царем, имею я власть и обратить тебя в прах.

С этими словами Иоанн ударил Федорова ножом в грудь. Пьяные опричники бросились на боярина и добили его. В тот же день были убиты остальные заговорщики.

Узнав о смерти Федорова, Мария пришла в ярость и поклялась отомстить Иоанну. Она собралась ехать в Александровскую слободу, но ее удержало одно важное событие: пал митрополит Филипп, и в слободском дворце царило страшное возбуждение. Митрополит Филипп не скрывал своего взгляда на правление Иоанна и Марии. Он открыто осуждал царя и царицу. По приглашению царя он изредка служил в храме дворца Александровской слободы. В таких случаях Иоанн и опричники приходили в церковь в своих обычных одеждах. Но однажды царю пришла фантазия надеть мантию игумена, с высоким черным шлыком. Филипп стоял на горном месте. Иоанн приблизился к нему и остановился, ожидая благословения. Митрополит молча

глядел на образ Спасителя, будто не замечая царя. Произошла томительная пауза, наконец, Басманов сказал Филиппу:

— Святый владыко! Государь ждет благословения.

Филипп взглянул на Иоанна и твердо произнес:

— В сем виде, в сем одеянии странном не узнаю царя православного; не узнаю и в делах царства... Благочестивый, кому поревновал, сицевым образом доброту лица своего изменивши. Отколь солнце на небеси начало сияти, не было слыхано, чтобы цари благочестивые свою державу возмущали. О царю! Мы приносим здесь жертву Богу, а за алтарем неповинная кровь льется. В неверных языческих царствах есть закон и правда, есть милосердие к людям, а на Руси нет их. Достояние и жизнь граждан не имеют защиты. Везде грабежи, везде убийства, и совершаются именем царя! Ты высок на троне, но есть Всевышний, Судия наш и твой. Как предстанешь ты на суд его? Самые камни вопиют о мести под ногами твоими! Государь! Вещаю яко пастырь душ. Боюсь Бога единаго.

Это выступление митрополита взбесило царя. По его приказанию Филиппа арестовали, заковали в колодки, заключили в монастырь св. Николая Старого и морили голодом. Потом Филиппа отправили в Тверь, в Отрочь-монастырь.

Под влиянием проповедей Филиппа Иоанн все-таки несколько стеснялся. Расправившись с откровенным митрополитом, царь во всей полноте начал проявлять свою необузданность. Прежде всего, он приказал казнить всех родственников Филиппа, Колычевых, а затем, вспомнив о заговоре Федорова, велел поставить царицу под бдительный надзор опричников, никого к ней не пускать и ей не позволять покидать Кремлевский дворец.

Это распоряжение царя произвело на Марию сильное впечатление. Пылкая южанка, лишенная возможности удовлетворять свои страсти, начала чахнуть. 1 сентября 1569 года она скончалась.

VI

Иоанн нисколько не был огорчен смертью Марии. Он даже не счел нужным притворяться. К этому времени он окончательно погрузился в разврат и кровавые расправы.

После смерти Марии Иоанн занялся особым видом «спорта». В сопровождении опричников он стал делать наезды на вотчины. Оправдывались эти наезды, конечно, поисками крамолы. После трапез пьяная орда вскакивала на коней и с дикими криками мчалась куда глаза глядят. Первая вотчина, встречавшаяся на пути, служила этапом. Разумеется, царя встречали с глубоким почетом. Его провожали в лучшую комнату, предлагали ему угощение. Все эти посещения имели одинаковый результат: Иоанн, придравшись к какой-нибудь мелочи, приказывал своим спутникам «пощупать ребра» у гостеприимных хозяев. Начиналось избиение, причем щадились только молодые, красивые женщины и девушки. Последних показывали царю, он выбирал из них одну или двух, а остальных отдавал опричникам. Иногда оргии длились два или три дня. Эти наезды Иоанн называл «выбором жен».

Между тем положение Московского государства было очень печальное. Царь, всецело поглощенный развратом и расправой с воображаемой крамолой, совсем не занимался государственными делами. Опричники грабили и бесчинствовали, бояре, любившие Родину и готовые отстаивать ее интересы, подвергались преследованию. Враги Руси учли положение и спешили им воспользоваться. Крымский хан Девлет-Гирей со своими полчищами вторгся в русские владения. Дезорганизованное русское войско не могло оказать серьезного сопротивления. Царь со своей опричниной бежал в Ярославль. Татары вступили в Москву и сожгли ее (весной 1572 года). Правда, хан отступил, но лишь потому, что откуда-то появился слух, что на помощь русскому царю спешит польский король с многочисленной армией. Иоанн, решительный в расправах с «крамольниками», так растерялся, что обещал хану всевозможные уступки. Между прочим, отдал ему Астрахань, незадолго до этого завоеванную. Девлет-Гирей презирал Иоанна за его трусость. Это презрение ярко отразилось в грамоте, которую хан прислал Иоанну уже после своего отступления.

«Жгу и пустошу Русь единственно за Казань и Астрахань, а богатства и деньги применяю к праху. Я везде искал тебя, в Серпухове и в самой Москве; хотел венца и головы твоей, но ты бежал из Серпухова, бежал из Москвы —

и смеешь хвалиться своим царским величием, не имея ни мужества, ни стыда! Ныне узнал я пути Государства твоего: снова буду к тебе, если не освободишь посла моего, бесполезно томимаго неволею на Руси; если не сделаешь, чего требую, и не дашь мне клятвенной грамоты за себя, за детей и внучат своих».

Даже опричники возмутились этой уступчивостью русского царя. Приближенные царя решили уговорить его заключить новый брак. Опыт прошлого показывал, что женитьба оказывала на Иоанна некоторое влияние. Даже брак с Марией Темгрюковой хотя сколько-нибудь сдерживал его. Уступчивость относительно крымского хана объяснялась исключительно тем, что Иоанн, поглощенный поисками случайных «жен» решительно не был способен сосредоточиться на какой-нибудь определенной мысли. Царь охотно согласился вступить в третий брак. Был назначен традиционный торжественный смотр невест. К этому времени сожженная Москва успела обстроиться. В столицу съехались сотни боярских семейств. В определенный день в Грановитой палате состоялся смотр. Рядами стояли избранные красавицы. Лысый, сгорбленный, беззубый Иоанн, тяжело опираясь на посох, обходил ряды девушек, зорко вглядываясь в румяные, пышущие здоровьем лица. Девушки стояли, скромно потупив глазки, дрожа от волнения. Вдруг тусклый взгляд царя встретил открытые глаза. На него смело глядела худощавая, стройная девушка.

— А смела! — сказал царь, остановившись перед красавицей.— Как тебя зовут?

— Марфа, отца Сабурова — отчетливо ответила девушка.

Царь ничего не сказал и отправился дальше. Через четверть часа думный боярин возвестил, что государь выбрал себе в жены боярышню Марфу Сабурову.

Боярский род Сабуровых не отличался родовитостью. Отец царской невесты, Иван Сабуров, числился сокольничим, но в действительности был далек от дворца и постоянно проживал в своей дальней вотчине. Выбор царя был для него полной неожиданностью. В его небольшом московском доме начались спешные приготовления. Как-то случилось, что к нему стал вхож брат покойной царицы Марии,

князь Михаил Темгрюк. Князь Михаил стал часто бывать у Сабуровых. Марфа к нему привыкла. Однажды вечером Темгрюк предложил боярышне несколько засахаренных фруктов.

— Это с царского стола, от сегодняшнего обеда,— сказал он.

Марфа приняла подарок. С этого дня она, никогда не отличавшаяся полнотой, заметно начала худеть. Кроме того, с ней начали делаться припадки. Об этом доложили царю, но он заявил, что обвенчается с Сабуровой, несмотря ни на что.

Свадьба состоялась. Через две недели Марфа скончалась.

Начались расправы. Иоанн узнал, что болезнь Марфы началась после того, как молодой князь Темгрюк подарил ей засахаренные фрукты. Михаила посадили на кол. Кроме него казнили еще некоторых бояр, заподозренных в соучастии.

VII

Смерть Марфы Сабуровой искренне опечалила Иоанна. Может быть потому, что третья жена еще не успела ему надоесть. Целых две недели он провел в уединении, не допуская к себе никого, кроме Скуратова, который по несколько раз в день доносил ему о результатах допросов и пыток.

Наконец, царь появился в приемной палате. Извещенные об этом, главари опричнины и уцелевшие бояре собрались во дворце все без исключения. В палате стоял тихий гул от шепота, которым собравшиеся обменивались впечатлениями. Скуратов успел сообщить им, что государь «зело болен душою», а это означало, что Иоанн находится в мрачном настроении, которое сулит мало хорошего.

Дверь из внутренних покоев распахнулась. Вышли двое рынд и стали около возвышения, на котором находился трон. В палате воцарилось глубокое молчание. Через несколько секунд раздались медленно шаркающие шаги и в дверях появился царь. При виде его мысленно ахнули

даже такие близкие к нему люди, как Басманов, Колтовский и другие. К трону медленно двигалось зловещее привидение. Иоанн был одет в черную рясу, стянутую кожаным поясом. На голове возвышался шлык. В правой руке он держал длинный посох. За спиной тянулась мантия. Бескровное, желтое лицо, изрезанное глубокими морщинами, было совершенно безжизненно. Глазные впадины казались черными, как у черепа, и только в их глубине тускло светились потухающие глаза.

Сгорбившись, не обращая ни на кого внимания, не отвечая на почтительные поклоны, царь прошел к своему месту и опустился в кресло. Молчание продолжалось. Иоанн закрыл глаза и, казалось, начал засыпать. Так прошло несколько минут. Вдруг веки царя поднялись и из-под них сверкнул знакомый злобный огонь. Иоанн быстрым взглядом окинул стоявших перед ним и остановил его на Григории Грязном. Опричник, хладнокровно принимавший участие во всех кровавых оргиях, почувствовал, как от этого взгляда у него на лбу начинает выступать холодный пот, а по спине пробегают мурашки.

— Подойди ко мне, Гриша,— едва слышно произнес царь.

Грязной приблизился к трону.

— Сказывали мне, Гриша,— тем же тоном умирающего продолжал Иоанн,— что любил ты Марфу Сабурову допреж того, как спознал я ее. Скажи мне, была ли она тогда хворою?

Все насторожились. Такой вопрос в приемной палате, в присутствии бояр, был совершенно необычен. Очевидно, предстояло нечто особенное. Грязной так растерялся, что не находил слова для ответа. Иоанн терпеливо ждал несколько минут, затем снова заговорил, стараясь придать своему голосу оттенок ласки:

— Что же ты молчишь, Гриша? В том, что ты любил Марфу, не вижу ничего дурного. Ведь и я ее любил. Хочу только дознаться, не была ли она хворой раньше.

Далее молчать было опасно, Грязной собрался с силами и сказал:

— Верно тебе сказали, великий государь. Бывал я прежде у Сабуровых и думал свататься за боярышню Марфу. А что она хворая была, я не ведал.

— Так, говоришь, свататься собирался? — криво усмехнулся Иоанн.— Почему же не посватался?

— Ты, государь, изволил ее себе в супруги выбрать.

Иоанн хрипло рассмеялся:

— Ха-ха-ха! Значит, я у тебя невесту отбил? Добро. Так получи же от меня за это награду!

С этими словами Иоанн размахнулся и ударил острием своего посоха Грязного в лицо. Острие попало в глаз. Грязной дико вскрикнул и упал.

— Прикончите его,— спокойно сказал Иоанн. Скуратов, стоявший около трона, хладнокровно вытащил из-за пояса нож и вонзил его в грудь Грязному, корчившемуся на полу от страшной боли. Труп Грязного сейчас же выволокли из палаты.

Эта расправа изменила настроение царя. На губах его появилось что-то похожее на улыбку.

— С женихом покончили,— сказал он, и голос его теперь звучал гораздо добрее.— Теперь надо невест искать. Малюта! Готово?

— Все сделано, как ты повелеть соизволил, государь,— ответил Малюта, отвешивая поясной поклон.

— Ну тогда едем! — воскликнул царь.

Царю подали шубу и шапку. На царской площадке перед дворцом было приготовлено несколько саней. Иоанн уселся. Рядом с ним поместились Малюта, Басманов и князь Владимир Ростовский. В других санях разместилась свита. Никто не знал, куда едет царь и, конечно, никто не смел спрашивать об этом.

Окруженные конными опричниками, сани помчались. Выехали за город, направились к Коломенскому. Опричники думали, что Иоанн хочет развлечься в своем любимом Коломенском дворце, но царские сани миновали его, не останавливаясь. Иоанн, хранивший все время глубокое молчание, вдруг ласково обратился к князю Ростовскому:

— А мы, князь, к тебе в гости. Чай, не прогонишь?

Князь растерялся.

— Помилуй, государь...— пролепетал он.— Я счастлив... только... не упредил ты меня... боюсь, что не смогу принять тебя, как надо.

— Об этом не беспокойся, князь,— многозначительно сказал Иоанн.— угощение мы с собой везем.

В двадцати пяти верстах от Москвы находилась вотчина Владимира Ростовского, в которой жила его семья. Князь всегда старался держаться вдали от двора, особенно с тех пор, как Иоанн создал опричнину. Ростовский одно время воеводствовал в Нижнем Новгороде, но потом «по недужности» удалился от дел и жил в своей вотчине, изредка наезжая в Москву.

Царский поезд скоро прибыл в княжескую вотчину, где его появление произвело страшный переполох. Князь попросил у Иоанна разрешения на некоторое время удалиться, чтобы сделать распоряжение по хозяйству. Царь милостиво разрешил. Нежданные гости расположились в большой палате, стены которой были убраны богатой золотой и серебряной посудой.

Иоанн внимательно осмотрел палату, усмехнулся и сказал:

— Неплохо живется князю Владимиру. Не хуже моего.

— Не даром воеводствовал — ехидно заметил Басманов.

В это время в палату вошел Ростовский. За ним шла княгиня. Она несла большой поднос, уставленный чарками с вином. Княгиня подошла к царю, низко поклонилась, а князь сказал:

— Осчастливь, великий государь, выкушай чару вина.

Иоанн взял золотой кубок, выделявшийся среди других серебряных и, соблюдая обычай, пожелал здоровья хозяину и хозяйке. Потом, по его настоянию, пригубила вина княгиня, осушил кубок князь, а затем взялись за кубки остальные. Когда все выпили, князь подал знак слугам, державшим наготове фляги с вином.

— Нет, подожди! — вмешался Иоанн.— Я тебе говорил, что угощение мы везем с собой. Отведай и моего вина. Да где же твои сыновья?

Ростовский велел позвать молодых княжичей. По знаку царя принесли стопу вина, захваченную из Кремлевского дворца. Скуратов сам наполнил им четыре кубка и подал их княгине, князю и княжичам. Ростовский понял, в чем дело. Он молча поцеловал жену, сыновей и залпом выпил вино. Его примеру последовали княгиня и княжичи. Через

несколько минут все они корчились в предсмертных судорогах. Иоанн сидел под образами и хохотал, наслаждаясь агонией отравленных.

Когда на полу лежали четыре неподвижных трупа, Иоанн встал и сказал:

— Видно, хозяева нам не рады. Раньше гостей упились. Придется самим хозяйствовать.

В княжеской вотчине началась оргия.

Князя Ростовского постигла казнь лишь за то, что он был крестный отец Марфы Сабуровой, родной отец которой на допросе «с пристрастием» показал, что Марфа была больна с детства и об этом знал Ростовский.

В княжеской вотчине царь веселился целые сутки, затем он отправился «искать жен». В один из таких наездов опричники попали в вотчину князя Милославского, где в это время находилась сама княгиня с дочерьми. Княжеская челядь, не зная, что во главе насильников находится сам царь, вооружилась и оказала отчаянное сопротивление. Более десяти опричников легли на месте. Иоанн лишь случайно уцелел. Пришлось отступить. Но князю Милославскому это сопротивление обошлось дорого. Через несколько часов вотчину окружили несколько сот опричников. Иоанн сам командовал ими. Он строго приказал, чтобы в вотчине не остался в живых ни один человек, ни женщина, ни ребенок. Плохо вооруженная челядь держалась недолго. Опричники одержали победу и началась расправа, беспримерная даже для времен Иоанна. Победители, исполняя волю царя, не щадили никого. Женщин убивали, предварительно надругавшись над ними. Во время этой бойни произошел эпизод, чрезвычайно характерный для Иоанна. Басманов, никогда не отличавшийся мягкосердечием, принес к царю двухмесячного внука Милославского. Ребенок был так красив и трогателен своей беспомощностью, что даже руки опричников не поднялись на него. Иоанн взял ребенка на руки, поцеловал его, потом сказал:

— Царское слово священно перед Господом. Я сказал, что здесь никто не должен остаться в живых. Да будет так!

И велел при себе зарезать младенца.

VIII

Так развлекался Иоанн целый год после смерти Марфы. Наконец, ему это надоело и он решил вступить в новый брак. Однако, православная церковь разрешает только три брака, так что четвертый явно незаконен. Но для Иоанна закон не существовал. Он выбрал себе в жены Анну Алексеевну Колтовскую, и приказал священнику обвенчать себя с ней. Конечно, священник не смел ослушаться царя и совершил обряд венчания. Только после этого Иоанн созвал епископов и обратился к ним с такою речью:

— Святители! Злые люди чародейством извели первую супругу мою, Анастасию. Вторая, княжна Черкесская, также была отравлена, и в муках и терзаниях отошла к Господу. Я ждал немало времени и решился на третий брак, отчасти для нужды телесной, отчасти для детей моих, еще не достигших совершенного возраста: юность их претила мне оставить мир; а жизнь в мире без жены соблазнительна. Благословенный митрополитом Кириллом, я долго искал себе невесты, испытывал, наконец, избрал; но зависть, вражда погубила Марфу, только именем царицу; еще в невестах она лишилась здоровья и через две недели супружества преставилась девою. В отчаянии, в горести я хотел посвятить житию иноческому; но, видя опять жалкую младость сыновей и Государство в бедствиях, дерзнул на четвертый брак. Ныне, припадая с умилением, молю Святителей о разрешении и благословении.

Епископам оставалось только признать этот странный брак царя. Для формы они наложили на него легкую епитимью: сто поклонов в день, в течение месяца. Но, так как Иоанн и без того клал в день тысячи поклонов, эта епитимья окончательно сводилась к нулю.

XI

Анна Колтовская во многих отношениях была похожа на Марию Темгрюковну. Как и последняя, она отличалась необузданностью и страстностью. После хилой, отравленной Сабуровой Анна сумела подчинить Иоанна своему властно-

му влиянию. На время царь присмирел, прекратились массовые пытки и казни.

Иоанн целые дни проводил в тереме царицы. Там он, отбросив всякий этикет, нередко принимал и доклады от ближних придворных.

Анна умела занимать своего грозного супруга. В ее дворцовой половине всегда толпились красивые женщины, во всякую минуту готовые плясать, петь и развлекать государя всем, что ему пожелается. Царица смотрела на эти «игры» спокойно. Ревновать она не умела, потому что Иоанн, как муж, был для нее безразличен.

Иоанн отправлялся в терем царицы утром. Там он встречал самый радушный прием. В опочивальне царицы для него было поставлено кресло на особом возвышении. Анна встречала его у порога с глубокими поклонами. Царь садился на свое место. Начинался «теремной день».

Иоанн подзывал к себе своих любимиц, разговаривал с ними, иногда шутил, за шутками исполнял их просьбы, дарил им целые вотчины, решал в их пользу тяжебные дела. Это время на Руси справедливо назвали «бабьим царством».

Даже ближние опричники должны были отодвинуться на задний план. Сам «верный пес» Иоанна, Малюта Скуратов временно утратил свое влияние. К царю, в самых важных случаях, можно было проникнуть только при помощи женщин, окружавших Анну.

Анна вела систематическую борьбу против опричнины. Она вышла замуж за Иоанна восемнадцатилетней девушкой. По понятиям того времени, она была уже «перестарком». Иоанн выбрал ее только потому, что вся ее фигура дышала страстью. Но в глубине души она таила глубокую ненависть к царю и, главным образом, к окружавшим его опричникам. Анна Колтовская когда-то любила. Ее избранник, князь Воротынский, чем-то не угодил князю Вяземскому и был замучен в одном из московских застенков. Анна, пользуясь своим влиянием на царя, медленно, но верно уничтожала опричнину. Она мстила, но в то же время приносила огромную пользу измученной бесчинствами опричников Руси. За один год, в течение которого Иоанн находился под влиянием Анны и ее приближенных, были казнены или сосланы почти

все главари опричнины. Малейшая попытка рядовых опричников бесчинствовать по-прежнему, каралась. Достаточно было одного слова Анны или какой-нибудь теремной боярыни, и Иоанн, без всякого суда и следствия, отправлял на эшафот людей, которых незадолго перед тем считал своими вернейшими слугами.

Понятно, что опричники ненавидели Колтовскую и весь ее придворный штат. Особенно ненавидел ее князь Воротынский, отец княжича Андрея, загубленного за его любовь к Анне. Старый князь был убежден, что его сын погиб потому, что Анна стремилась стать царицей и, опасаясь преследований со стороны Андрея, устранила его. Воротынский поклялся свергнуть царицу. У него был племянник, Борис Ромодановский, юноша, отличавшийся женственностью. Борис, наряженный в женское платье, не раз пленял молодых людей. Юноша любил приключения. Воротынский призвал его к себе и сказал:

— Борис! Хочешь ты сослужить службу, а вместе с тем и сам потешиться?

Ромодановский, конечно, изъявил свое полное согласие. Князь посвятил его в свои планы. Борис должен был проникнуть в терем царицы под именем Ирины, дальней родственницы Воротынского. Воротынский брался выпросить у царя разрешение ввести в терем свою родственницу. Бориса, незадолго до этого приехавшего из дальней вотчины, в Москве почти никто не знал, так что опасаться было нечего. Воротынский объяснил этот маскарад тем, что ему нужно узнать кое-что о поведении боярышни Шебухиной, приходившейся ему двоюродной племянницей.

Девятнадцатилетний Борис Ромодановский, не подозревавший западни, охотно согласился помочь дяде. Старый князь расхвалил Иоанну «боярышню Ирину», и сластолюбивый царь не только разрешил допустить ее до царицы, но даже потребовал, чтобы это было сделано немедленно.

В тереме царицы Анны появилась «боярышня Ирина». Борис Ромодановский так искусно играл свою роль, что никто не заподозрил обмана. В тот же день, когда он был представлен царице, Иоанн, в обычное время посетивший терем, потребовал, чтобы ему показали новую боярышню. Не ожидавший этого Борис смутился. Лицо его залилось

густым румянцем и стало еще более привлекательным. Царь, с видом знатока и ценителя, окинул взглядом стройную фигуру и, в знак своего благоволения, приказал выдать боярышне Ирине жемчужное ожерелье из своей казны.

С этого дня Иоанн стал отдавать боярышне Ирине особое предпочтение. Он не привык сдерживаться и однажды, не стесняясь присутствием царицы, потребовал, чтобы боярышня «постлала ему постель». Ромодановский совсем растерялся и бросился за советом к своему дяде, Воротынскому. Старый князь, предвидевший такой исход, спокойно посоветовал племяннику исполнить волю царя.

— У него так водится,— сказал он.— Ничего дурного в том нет. Постелешь ему постель, поговоришь с ним, только и всего. У него этак все боярышни перебывали.

Борис успокоился. Вечером «боярышня Ирина» прошла в опочивальню царя...

Около полуночи Кремлевский дворец огласился исступленными криками Иоанна. Царь бесновался. Размахивая окровавленным посохом, он, в одной сорочке, бегал по палатам и грозил убить всякого, кто попадался ему на глаза. Все попрятались. Не встречая ни одного человека, на котором он мог бы сорвать злость, Иоанн бросился на половину Анны, где царило полное смятение. Он распахнул дверь, но на пороге упал и забился в припадке. Только это спасло царицу от смерти. Как всегда, за припадком последовало состояние полной апатии. Его перенесли в опочивальню. Там, на полу лежал окровавленный труп Бориса Ромодановского, одетый в роскошное платье боярышни, с привязанной косой и жалованным ожерельем на шее. Труп был изрешечен ранами, нанесенными острым царским посохом.

IX

15 апреля 1572 года к Тихвинскому монастырю подъехала крытая колымага, окруженная конными опричниками. Впереди, грузно навалясь корпусом на шею коня, скакал сам Малюта Скуратов. Приехавших, очевидно, ожидали, потому что перед ними широко распахнули железные монастырские ворота. Колымага остановилась у паперти собор-

ного храма. Опричники спешились. Скуратов подошел к колымаге, отворил дверку и отдал несколько отрывистых приказаний. Из повозки вынесли какую-то фигуру, с головой закутанную в шубу. Ее пронесли в храм, где собрались монахини, с игуменьей во главе. Перед царскими вратами стояло кресло, на которое посадили принесенную. Шубу сбросили, и монахини увидели бледное лицо, на котором странно выделялись большие, полубезумные глаза. Женщина была простоволоса. Густые, длинные волосы в беспорядке разметались, раскинулись по плечам, перекинулись через спинку кресла. Руки и ноги были связаны. Очевидно, несчастная сопротивлялась и прибыла в монастырь не по своей воле. Это была царица Анна, четвертая жена Иоанна Васильевича.

Тускло мерцали лампады перед иконостасом, колыхалось красное пламя свечей, шуршали рясы монахинь, и храм, погруженный в полумрак, казался склепом, в который опускают гроб.

Началась служба. Своды храма огласились мрачными, торжественными напевами. Анна относилась ко всему безучастно. В ее мозгу мелькали отрывочные воспоминания о недавнем прошлом, о светлом тереме, в котором жилось так весело, привольно. О милых дружках, с которыми она коротала время. Потом... это страшное утро. Опричники, которых она так ненавидела... ворвались толпой, даже не дали одеться, грубо схватили... она сопротивляется, кричит... ее хватают за волосы, тащат по полу. . связывают, несут на заднее крыльцо, сажают в колымагу, везут... и...

Вдруг храм огласился истерическими воплями:

— Не хочу! Будьте вы прокляты: я царица! Не смеете!

Анна забилась в истерике. Малюта, стоявший возле кресла, спокойно вынул из-за пояса нож, обрезал конец пояса, скомкал его и засунул в рот царице. Крики умолкли. Анна билась в кресле, не произнося ни звука. Служба продолжалась. Затем начался обряд пострижения. Черные фигуры вышли на середину храма, окружили кресло. Раздались скорбные напевы, говорившие о смерти. На обычный вопрос епископа, по своей ли воле постригаемая отрекается от мира и дает ли она обет строго соблюдать правила иночества, ответил Скуратов. Анна лежала без сознания.

Через час царица Анна перестала существовать. Осталась смиренная инокиня Дария. А еще через час инокиня Дария была посвящена в схиму. Когда ее выносили из храма, на ее груди зловеще белел череп. Ее голову покрывал капюшон, на котором тоже был вышит череп. Ее заживо погребли в одном из монастырских склепов, где она прожила еще 54 года. Она скончалась в августе 1626 года, уже после воцарения дома Романовых.

X

Расправившись с Анной Колтовской, царь окончательно перестал стесняться. До этого он все-таки придавал своим похождениям и расправам хотя отдаленный вид законности. Теперь он сбросил и эту маску. Прежде всего он обрушился на род Воротынских и Ромодановских.

Старый князь Воротынский узнал о гибели своего племянника в ту же ночь. Он ожидал этого и приготовился к бегству. Но его предупредили. «Верный пес» Малюта, узнав, в чем дело, сразу понял, что Борис Ромодановский, по наивности, сыграл роль слепого орудия мести и немедленно отправил своих подручных к Воротынскому. Князя застали в тот момент, когда он уже садился в возок. Его задержали и отправили в застенок. На следующее утро Иоанн сам присутствовал на пытке. Старик держался гордо. Истерзанный, с раздробленными костями, он продолжал твердить одно:

— Ничего не знаю. Ни в чем не повинен.

Он понимал, что его участь решена бесповоротно и надеялся, по крайней мере, спасти своих ближних. С этой надеждой он и умер. Но Иоанн любил мстить до конца. Покончив с князем, он велел обесчестить его двух дочерей и сам присутствовал при исполнении этого приказания. Затем в Кремле, на дворцовой площадке, состоялась грандиозная медвежья забава, во время которой звери растерзали всех родственников Воротынского и Ромодановского.

Прошел год. Неистовства начали утомлять Иоанна. Для удовлетворения своих страстей ему приходилось разъезжать, потому что, несмотря на все его строгости, бояре всеми

мерами старались не допускать своих жен и дочерей в «холостой» дворец. Царь пришел к убеждению, что ему надо снова жениться. Однако, опыт четвертого брака показал, что на разрешение архипастырей надежды мало. Иоанн обошелся без такого разрешения. В Спасо-Преображенском соборе (Спас на Бору) в то время служил священник Никита, бывший опричник, возведенный в сан по настоянию царя. Этот Никита был готов подчиняться Иоанну во всем. Он охотно согласился повенчать своего повелителя.

В ноябре 1573 года состоялся брак Иоанна Васильевича с княжной Марией Долгорукой. Этот брак, пятый по счету, оказался печальнее всех предыдущих.

Несмотря на то, что бракосочетание было совершено без разрешения патриарха, обряд был обставлен очень пышно. В Москву собрались именитые люди со всех концов государства. Звонили колокола всех московских соборов и церквей, народу было выставлено щедрое угощение. Все ликовали.

На следующее утро Иоанн вышел в приемную палату с нахмуренным лицом. Все насторожились, хотя никто не знал причины мрачного настроения новобрачного. Выслушав несколько докладов, царь махнул рукой и ушел к себе. Скоро по дворцу разнеслась весть, что царь с царицей уезжают. Скрипя полозьями по свежему снегу, царский поезд покинул Кремль и направился в Александровскую слободу. Там в то время был обширный пруд, переполненный рыбой. Этот пруд носил название «царского», потому что из него поставляли рыбу для царского стола. Тесный, но уютный дворец Александровской слободы был любимым местом отдыха царя. Туда он уезжал нередко, а потому никто не удивился, узнав, что Иоанн отправился в «Александровку».

Юная царица с любопытством глядела на народ, приветствовавший царский поезд низкими поклонами. Такие почести ей воздавались впервые. Скоро показались приземистые постройки Александровской слободы. Возки въехали в дворцовую ограду и остановились у узорчатого крыльца. Царь, не проронивший во время пути ни одного слова, молча вылез из возка и, не отвечая на поклоны дворцовых людей, прошел в свои хоромы. За ним последовал Скуратов.

Через полчаса обитатели Александровской слободы шепотом передавали друг другу о новой, непонятной затее грозного царя: десятки людей собрались на не совсем окрепшем ледяном покрове царского пруда и стали вырубать огромную полынью. По слухам, царь выразил желание ловить в озере рыбу. Причуды царя давно перестали удивлять его подданных, но царская рыбная ловля зимой, при сильном морозе, все-таки показалась чересчур странной и к пруду начали стекаться толпы любопытных.

К полудню добрая треть пруда была очищена от льда. У края полыньи поставили высокое кресло. Пешие и конные ратные люди окружили пруд, не допуская на лед никого постороннего. Уже близились сумерки, когда распахнулись ворота дворца и оттуда показалось странное шествие. Впереди, на коне ехал царь. За ним следовали пошевни, на которых лежала царица Мария. Она была без памяти, но, тем не менее, ее тело было крепко прикручено к пошевням веревкою. Шествие замыкали опричники, с неизменным Скуратовым во главе. Царь въехал на лед, сошел с коня и уселся в кресло. Пошевни остановились на берегу. Иоанн знаком подозвал к себе Малюту и сказал ему несколько слов. Скуратов вышел на середину пруда и обратился к собравшимся зрителям с речью.

— Православные! — громко сказал он.— Се узрите, как наш Великий Государь карает изменников, не щадя никого. Долгорукие изменили царю, повенчали его на княжне Марии, а княжна еще до венца слюбилась с кем-то, и о том государю ведомо не было. И решил государь ту Марию отдать на волю Божию.

После этих слов Малюта подошел к пошевням, достал нож и уколол запряженную в них лошадь в круп. Лошадь сделала скачок. К ней подбежали опричники и стали осыпать ее ударами. Испуганное животное бросилось вперед, не разбирая дороги. Через несколько секунд раздался всплеск, полетели брызги, и лошадь, вместе с пошевнями и привязанной к ним царицей, погрузилась в ледяную воду.

Зрители невольно ахнули. Затем наступило глубокое молчание. Все, как зачарованные, глядели на поверхность пруда, где расходились широкие круги и поднимались пузыри. Наконец, вода успокоилась и снова приняла вид зер-

кальной глади. Царь поднялся со своего кресла, снял шапку, перекрестился и сказал:

— Воля Господня совершилась.

Затем он сел на коня и в сопровождении опричников уехал во дворец, куда по его распоряжению, уже были собраны все красивые женщины слободы. Там началась оргия, длившаяся до утра. Обыватели Александровской слободы потрясенные казнью новой царицы, пугливо ютились по домам. Но и через запертые окна до них доносились пьяные крики опричников, слонявшихся по улицам слободы и искавших случая «разгуляться». Только к утру все затихло, а вечером царь, сопровождаемый едва протрезвившейся ватагой, выехал в свой Кремлевский дворец.

В Кремле настали унылые дни. С раннего утра до поздней ночи протяжно звонили колокола. В Москву переселились нравы Александровской слободы: царь снова превратился в игумена, его приближенные — в монахов. По крайней мере, по одежде. Опять начались долгие ночные богослужения, которые совершались в храме Спаса на Бору, и опять за службами следовали безобразные оргии. Но теперь Иоанн, по крайней мере, соблюдал внешние приличия. Он регулярно выходил утром в приемную палату, выслушивал доклады и клал резолюции. В последних стала проявляться даже некоторая мягкость, которая до этого времени была совершенно чужда Грозному.

Малюта, желая угодить царю, приказал схватить Петра Долгорукого, брата утопленной Марии. Княжича подвергли жестокой пытке, добиваясь, чтобы он назвал «лиходея, погубившего царицу». Несмотря на страшные мучения, Петр Долгорукий неизменно отвечал:

«Сестру Марию погубил лишь один лиходей — царь Иоанн Васильевич».

Скуратов доложил царю о неслыханном упорстве княжича. Иоанн внимательно выслушал доклад и приказал:

— Отпустить Петра Долгорукого в его вотчину, да не поставятся ему в вину прегрешения его сестры, за кои он ответ держать не может.

Все были поражены такой необычной снисходительностью царя, но Скуратов, лучше всех знавший изменчи-

вый нрав грозного властелина, решил поступить по-своему: он отправился в застеночный каземат, где лежал полумертвый молодой Долгорукий и собственноручно дорезал его. Царю он сообщил, что: «Княжич Петр скончался от неведомой хвори». Верный слуга исправлял ошибки своего господина.

Малюта не ошибся. Молитвенное настроение Иоанна продержалось недолго. Через две недели после гибели Марии Долгорукой в Кремлевском дворце началась иная жизнь. Замолкли соборные колокола, черные шлыки, мантии и рясы исчезли, и бешеным потоком понесся прежний разгул, воцарился откровенный разврат.

Приспешники Иоанна никогда еще не доходили до такой бесшабашности, какая бурными волнами разлилась по Москве в начале 1574 года. Все более и менее зажиточные люди спешили покинуть столицу или, по крайней мере, увезти из нее своих жен и дочерей.

Приемы во дворце прекратились. Все дела вершили дьяки и думные бояре. Царь, измученный бессонными ночами и попойками, вставал поздно, иногда после полудня. Страшно похудевший, совершенно лысый, с лицом, покрытым морщинистой кожей коричнево-зеленоватого цвета, он производил впечатление выходца из могилы, и внушал ужас даже своим приближенным. Его раздражительность достигла крайних пределов. Достаточно было одного слова, чтобы привести его в состояние ярости, граничившее с полной невменяемостью.

Поднявшись с постели, царь требовал к себе «омывальщиц». Это были выбранные им самим красивые женщины, на обязанности которых лежало обмывание хилого царского тела теплой водой и обтирание его душистым маслом. Во время обмывания царь сидел на табурете, сбросив с себя всякие покровы. Иногда он при этом ложился, и тогда получалось полное впечатление обряда обмывания покойника.

За обмыванием следовало облачение, во время которого Иоанну тоже прислуживали женщины.

Несмотря на видимую дряхлость, царь в это время ревностно занимался государственными делами. По его приказанию был основан город Уфа, все многочисленное население башкирских степей признало своим повелителем русского царя и присягнуло ему в верности. Русь росла.

Помимо востока, где граница царства раздвинулась до Сибири, Урала и Астрахани, Иоанн стремился проникнуть и в сторону запада. Война с Ливонией затянулась и обещала мало хорошего. Честолюбивый царь стал мечтать о Польше, поддержкой которой пользовалась Ливония.

В это время в Швеции царствовал полупомешанный Эрик, сын Густава Вазы. Шведский король в жестокостях мало отличался от Иоанна IV. Как все властители, не имеющие ничего общего со своим народом, Эрик дрожал за свой престол и всеми мерами старался искоренять «крамолу». При этом он не щадил никого. Ему донесли, что его брат Иоанн пользуется любовью населения. Этого было достаточно, чтобы заподозрить принца Иоанна в стремлении захватить власть, и его, по приказанию короля, заключили в тюрьму. Иоанн был женат на сестре польского короля, Екатерине, за которую когда-то сватался русский царь. Узнав о заточении принца, Иоанн снарядил в Швецию особое посольство. Царь обещал шведскому королю навеки уступить ему Эстонию с Ревелем, помочь ему в войне против польского короля Сигизмунда и доставить возможность заключить выгодный договор с Данией и Ганзейскими городами. За это он требовал лишь одного: выдачи ему Екатерины. Эрик согласился на эти условия. Возможно, что сумасбродная затея Иоанна удалась бы, но вмешались члены шведского государственного совета. Они приложили все старания к тому, чтобы не допустить русского чрезвычайного посла к Эрику. Воронцов прожил в Стокгольме одиннадцать месяцев, тщетно добиваясь аудиенции у короля. За это время в Швеции был подготовлен государственный переворот. Больного Эрика свергли, и на престол вступил его брат Иоанн, после чего о выдаче Екатерины, конечно, не могло быть и речи.

Русский царь узнал о постигшей его неудаче за несколько дней до возвращения Воронцова. Иоанн, вообще не привыкший сдерживаться, дал полную волю своей ярости. В эти дни даже такие приближенные как Скуратов, Басманов и другие боялись попадаться ему на глаза. Наконец, ему доложили, что Воронцов вернулся. Иоанн как-то сразу притих. Он велел передать Воронцову, что желает видеть его во дворце на следующее утро.

В обычное время, около десяти часов утра Воронцов был в приемной палате. Согласно установившемуся обычаю, боярин Воронцов, как вызванный по личному повелению царя, стал около трона. Вышел царь. Всех удивил его добрый вид. Иоанн весело улыбался, ласково отвечал на поклоны. Усевшись на трон, он обратился к присутствующим с небольшой речью, в которой восхвалял заслуги боярина Воронцова.

— И за те его заслуги,— сказал царь в заключение,— жалуем мы боярина Никиту Воронцова нашим псарем.

Седой Воронцов пошатнулся при этих словах.

— Великий Государь! — сказал он дрожащим голосом.— Я верно служил твоему родителю, блаженной памяти государю Василию Иоанновичу. Служил тебе верою и правдою. Не заслужил я твоей немилости. Лучше вели казнить, а в псарях из рода Воронцовых никто не хаживал.

Царь усмехнулся и сказал:

— Ин ладно, боярин Никита. Псарем не хочешь быть, останься в моих палатах. Быть тебе скоморохом. Недаром там год пробыл и с пустыми руками приехал.

По знаку царя принесли усеянное бубенцами шутовское платье. Услышав звон бубенцов, Воронцов выхватил кинжал, бросился в угол приемной палаты и крикнул:

— Не дамся! Убью!

— Не убьешь,— спокойно заметил Иоанн, поднимаясь с трона.— Я тебе сам жалованный кафтан надену.

С этими словами царь направился к Воронцову, стоявшему в углу, с занесенной над головой правой рукой, в которой он судорожно сжимал рукоять кинжала. Все замерли в ожидании. Царь медленно приближался к боярину. Воронцов растерянно глядел на него. Когда Иоанн подошел к нему почти вплотную, боярин захохотал и крикнул:

— Так значит ты, Иоанн Васильевич, Воронцовых на поругание отдаешь?! Не быть тому во веки!

И, прежде чем его успели схватить за руки, он размахнулся и вонзил кинжал себе в левый бок. Удар пришелся в сердце. Через секунду на полу лежал труп. Иоанн хрипло рассмеялся и сказал, обращаясь к Скуратову: — Ну, Малюта, тебе работы убыло. А то пришлось бы повозиться с этой падалью.

Тело боярина Воронцова унесли. Прием продолжался.

XII

Иоанн совсем невзлюбил Москву. Почти все время он проводил в Александровской слободе. У него все чаще случались истерические припадки, во время которых он был окончательно невменяем. Тогда от него бежали все. За припадками обычно следовал полный упадок сил, а потом начинались галлюцинации. В один из таких моментов ему показалось, что на позолоченном куполе церкви Александровской слободы сидит утопленная Мария Долгорукая. Это было ночью. Царь немедленно велел провести по куполу черные полосы. В другой раз ему показалось, что на паперти храма стоит замученный князь Вяземский. Полубезумный царь велел поставить вокруг паперти железную ограду, «чтобы не повадно было ходить туда кому не след».

Во дворце Александровской слободы был настоящий гарем. От восточных гаремов он отличался только тем, что находившиеся в нем женщины пользовались широкой свободой. У них не было евнухов, доступ к ним был открыт всем приближенным царя. Сам Иоанн уже пресытился. Придворные одалиски его не удовлетворяли. Он искал развлечений на стороне. Однажды он заехал к своему любимцу, князю Петру Васильчикову. У князя была семнадцатилетняя дочь Анна, славившаяся своей красотой. Царю она очень понравилась и он предложил князю послать дочь во дворец. Гордый Васильчиков отказал. Тогда Иоанн заявил, что он женится на Анне, и на другой день прислал к Васильчикову сватов. Отказать царю было немыслимо. Анна Васильчикова стала женою царя. Неизвестно, кто их венчал, но, во всяком случае, царицей Анну не признавал никто. Патриарх и епископы не признали этот брак. Впрочем, Иоанн и сам не добивался такого признания.

С Анной Иоанн прожил всего три месяца. Затем она как-то таинственно скончалась. Всем было объявлено, что она умерла от «грудной болезни», хотя до брака Васильчикова была совершенно здорова. Ее тело тайком, ночью, было вывезено из дворца и отправлено в Суздальский девичий монастырь для погребения. Вообще, этот брак носил очень странный характер. Подняв до себя Анну Васильчикову, Иоанн не приблизил ко двору ни одного из ее родст-

венников, что совершенно противоречило традициям русских царей.

Иоанн не счел нужным проводить прах Анны до могилы. После похорон царь был очень весел.

Придворная жизнь потекла обычным порядком.

После казни князя Вяземского царь, наряду с молодым Басмановым, приблизил к себе стремянного Никиту Мелентьева. Это был пронырливый человек, завоевавший расположение Иоанна своей готовностью делать по царскому приказу все, что угодно. Однажды Иоанн, желая оказать своему любимцу особое внимание, заехал к нему. Это посещение было совершенно неожиданно для Мелентьева. Он, конечно, засуетился. Через несколько минут в горнице, где посадили царя, появилась жена Мелентьева, красавица Василиса. Она внесла поднос с чарками и стопой заморского вина. Василиса низко поклонилась. Царь поднялся, взял предназначенную для него чарку и сказал:

— Здрава буди, хозяюшка. А хозяину твоему укор за то, что такую красоту до сей поры от нас скрывал.

Лицо Василисы покрылось густым румянцем. Скромная жена стремянного не смела мечтать о присутствии во дворце. Милостивые слова царя открывали ей доступ туда. Совершенно иное впечатление произвели слова Иоанна на Мелентьева. Он пригляделся к дворцовой жизни и понимал, что его семейной жизни грозит серьезная опасность. Он побледнел. В глазах сверкнул недобрый огонек. Но он сдержался, отвесил низкий поклон и сказал:

— Благодарим на ласке, великий государь. Да продлит Господь твои лета. А насчет Василисы скажу, что негоже бабе стремянного пред царскими очами быть. Ступай, Василиса! — Строго добавил он, обращаясь к жене.

Василиса еще раз низко поклонилась и вышла. При этом она успела бросить на Иоанна лукавый вызывающий взгляд, который у женщин является одним из самых сильных оружий.

Когда она ушла, царь, не спускавший с нее глаз, сказал Мелентьеву:

— Сегодня же пришли Василису во дворец. Нечего ей здесь губить свою молодость.

Мелентьев молча поклонился. Царь скоро уехал.

Ни в этот, ни в следующий день Василиса во дворец не явилась. Не появлялся там и сам Мелентьев. На третий день Иоанн вспомнил о нем. На вопрос, почему не видно стремянного, Скуратов ответил, что Мелентьев болен.

— А Василиса? — спросил царь.

— Тоже сказывается хворой,— ответил Малюта, и по его губам скользнула легкая улыбка.

— Послать к ним немца-лекаря,— распорядился царь.— Да приказать ему, чтоб прямо от них ко мне пришел.

Через два часа лекарь Бомелиус явился к царю. Он сообщил, что Мелентьев точно, слегка нездоров, но что к Василисе его, лекаря, не пустили.

— Надо навестить хвораго,— сказал Иоанн и добавил: — Малюта, захвати с собой фляжку вина.

Царь в сопровождении Малюты и Басманова отправился к Мелентьеву. Тот лежал на постели. Последнее посещение Иоанна его потрясло, и он заболел легкой формой нервной горячки.

Новое посещение царя было настолько неожиданно, что челядь совершенно растерялась и даже не успела уведомить Мелентьева. Иоанн прямо прошел в его спальню.

— Хвороба одолела, Никита? — спросил царь, стараясь придать своему голосу оттенок ласкового участия.

— Недужен, великий государь,— ответил Мелентьев, с трудом поднимаясь на постели.

— Ничего, Никитушка, вылечим. Малюта! Дай-ка ему нашего вина. Авось ему от него полегчает.

Мелентьев пристально взглянул на царя, посмотрел на Малюту и понял все.

— Государь! — дрожащим голосом сказал он.— Суди тебя Господь. Я противиться не смею. А только... коли поднимется у тебя рука обидеть Василису, с того света приду к тебе.

Иоанн хрипло рассмеялся и отвернулся. В это время Скуратов подал Никите чарку вина. Тот перекрестился и залпом осушил ее. Через несколько минут на постели лежал труп.

Через два дня, после похорон Мелентьева, во дворце появилась Василиса. Эта роскошная женщина сразу заняла первенствующее положение. Она сумела очаровать дряхлев-

шего Иоанна, который беспрекословно исполнял все ее прихоти. В короткое время Василиса Мелентьева удалила из дворца всех женщин, в которых она могла видеть соперниц. При этом Василиса ухитрялась держать царя все время в напряженном состоянии, не допуская его до физического сближения. Она преследовала вполне определенную цель: ей нужно было сделаться царицей. И она добилась своего. Царь с ней обвенчался.

Разумеется, что о благословении со стороны патриарха не могло быть и речи. Брак был явно незаконен, но тщеславной Василисе нужно было лишь одно: именоваться царицей.

Василиса держала Иоанна около себя в течение двух лет. За это время Иоанн будто переродился. Почти прекратились казни, Иоанн не выезжал в Александровскую слободу, его припадки случались крайне редко, оргий во дворце не было.

Утром, во время приема, царь был ласков. Нередко он прерывал прием и уходил во внутренние покои, чтобы повидаться с Василисой. Все вздохнули свободно.

Вдруг произошла катастрофа.

Однажды Иоанн принимал шведского посла. Велась крайне важная беседа относительно уступки побережья Балтийского моря. Присутствовали только самые приближенные люди. Вдруг среди беседы Иоанн встал и ушел. Шведский посол был в полном недоумении. Иоанн быстрыми шагами направился на половину царицы. Он распахнул дверь. Василиса стояла среди терема, ее лицо было покрыто румянцем, на губах застыла деланная, растерянная улыбка. Иоанн крикнул, обернувшись назад:

— Малюта!

Вошел Скуратов.

— Обыщи терем! — обрывисто приказал царь и остановился, опершись на свой посох. Василиса побледнела, но не произнесла ни одного слова.

Малюта стал осматривать терем. За штофным пологом кровати он нашел сокольничего Ивана Колычева. Молодой красавец, видя, что его участь решена, вышел на середину терема, смелым взглядом окинул дрожавшего от ярости царя и сказал:

— Государь! Винюсь перед тобой. Скрывать нечего. И ведаю, что ждет меня лютая казнь. А только позволь мне напоследок правду тебе сказать. Загубил ты Василисиного мужа Никиту, губишь теперь и ее. Погляди на себя. Подумай, гоже ли тебе молодую жену иметь. Лучше бы ты...

Острый конец царского посоха прервал эту речь. Василиса лежала в глубоком обмороке. Царь забился в припадке, шведский посол его не дождался.

На следующий день в Александровской слободе происходили похороны. На окраине была вырыта широкая могила. Священник, совершавший богослужение, не знал, кто лежит в двух гробах, которые привезли из Кремля. Ему даже не назвали имен. От имени царя Басманов передал, что поминать нужно просто «усопших раб Господен». Иоанн приучил священников к повиновению и во время отпевания над закрытыми гробами произносилось такое необычное поминовение. В церкви присутствовал только молодой Басманов. Священнику несколько раз казалось, что в одном из гробов раздаётся легкий шорох, но он не смел ничего сказать. Гробы вынесли и зарыли в общей могиле. По распоряжению Басманова, холма над этой могилой не насыпали.

В одном из этих двух гробов лежал убитый Иван Колычев, а в другом — живая Василиса Мелентьева, вся обвязанная веревками, с плотно заткнутым ртом.

XIII

В Кремлевском дворце снова завелся гарем. Опять начались массовые казни. В первую очередь, конечно, на плаху были отправлены все родственники Колычева. Затем пострадали сородичи Василисы Мелентьевой. Иоанн был настолько озлоблен, что сам присутствовал в застенках и своими руками пытал допрашиваемых. Под пыткой сыпались оговоры, к допросу привлекались десятки людей. Потоки крови лились несколько месяцев. Наконец, царь пресытился казнями и занялся государственными делами.

За это время Иоанн, однако, не оставлял мысли о новом браке и подыскивал себе невесту. Он выбрал Наталью Коростову, но встретил неожиданное препятствие: дядя На-

тальи, новгородский архиепископ Леонид, приехал в Москву и решительно заявил царю, что он скорее убьет свою племянницу сам, чем отдаст ее на поругание Иоанну. Эти смелые слова архиепископ произнес открыто, на приеме. Все ждали, что царь придет в состояние ярости, но, к общему изумлению, Иоанн сохранил спокойствие и даже обласкал Леонида.

В тот же день на дворцовой площадке состоялась оригинальная потеха. С заднего крыльца дворца вынесли какой-то тюк, зашитый в медвежью шкуру. Этот тюк положили среди площадки. Затем псари привели около десятка огромных злых псов и натравили их на тюк. Псы в несколько мгновений разорвали медвежью шкуру, а потом растерзали зашитого в нее человека. Это был архиепископ Леонид. После приема его пригласили в стольную палату, накормили, а затем связали и зашили в шкуру.

Наталья Коростова, несмотря на ее сопротивление, должна была поселиться во дворце. Она стала добычей царя, но не получила звания царицы. Дядя невольно оказал ей плохую услугу. Наталья пользовалась расположением царя всего несколько месяцев. Затем она бесследно исчезла. Возможно, что ее скелет найдут в стенах тех подземелий, которые теперь начинают исследовать в Кремле. Там Иоанн любил хоронить людей, которых почему-либо неудобно было казнить публично.

XIV

Исчезновение Натальи совпало с появлением в Москве боярина Федора Нагого. Боярин много лет прожил в ссылке и, неожиданно для него самого, вдруг получил от Иоанна приказ немедленно вернуться в столицу. Нагой не мог объяснить себе, благодаря чему царь снял с него опалу. Между тем, дело обстояло очень просто. В вотчине опального боярина случайно, проездом, был князь Одоевский, один из послов, постоянно ездивших из Москвы к польскому королю. Вернувшись в Москву, князь, выполнивший свою дипломатическую миссию очень неудачно, придумал способ расположить к себе царя. Он в ярких красках описал ему красоту

боярышни Марии Нагой. Иоанн так увлекся этим описанием, что немедленно приказал вернуть в Москву боярина со всем его семейством.

Мария Нагая, действительно, была идеалом русской красавицы. Высокая, статная, с большими выразительными глазами и густой косой ниже пояса, она пленяла всех, кому приходилось ее видеть.

На другой день после приезда Нагого, царь вызвал его к себе, обласкал, пожаловал ему подмосковную вотчину и, в знак особой милости, объявил, что на днях посетит его. Действительно, через два дня у дома Нагого, на окраине Москвы, появился царский поезд. Иоанн приехал верхом. К этому времени он уже настолько одряхлел, что ему трудно было держаться в седле, но он старался казаться моложе своих лет. Он въехал во двор и без посторонней помощи соскочил с коня. Свита, соблюдая обычаи вежливости, спешилась у ворот.

Боярин Федор Нагой встретил царя на крыльце с глубокими поклонами. В обширной, богато убранной стольной горнице высокого гостя ждала боярыня с подносом, на котором стояли две золотые чарки: для царя и хозяина. Иоанн вошел, оглянулся, поморщился и, не отвечая на поклон боярыни, сказал:

— Не ладно принимаешь, боярин. Я к тебе со всеми милостями, а ты меня обижать задумал.

Нагой растерялся.

— Помилуй, Великий Государь,— сказал он.— Можно ли мне и помыслить чинить тебе обиду? В чем ее усмотреть изволил?

— А в том,— ответил Иоанн,— что не кажешь мне дочь свою. А она, сказывают, красоты неописанной.

Эти слова объяснили Нагому, чему он обязан снятием опалы. Надо сказать, что боярышня Мария были просватана за сына одного из бояр, живших по соседству с вотчиной, в которой Нагой провел более десяти лет. Боярышня поэтому не приехала в Москву. Сознаться в этом было опасно, потому что царь приказал Нагому явиться в Москву со всем семейством. Несколько секунд боярин раздумывал, потом решительно заявил, что боярышня хворает и потому не может покинуть своей светелки. Но Иоанн не любил из-

менять своих намерений. Он приехал к Нагому, чтобы увидеть его дочь, и должен был увидеть ее во что бы то ни стало.

— Ничего, боярин,— весело сказал он.— Хоть и недужна боярышня, а видеть ее я хочу. Веди меня к ней.

Боярыня настолько испугалась, что уронила поднос. Чарки со звоном покатились по полу, вино разлилось. Момент был критический. Боярин упал царю в ноги и покаялся, что обманул его, что Марии нет в Москве.

Против ожидания, царь не разгневался. Добродушно усмехнувшись, он сказал:

— То-то, Федор! Нелегко провести меня. А теперь — сейчас же посылай за боярышней. Послезавтра опять приду к тебе. И если тогда ее здесь не будет, не прогневайся...

Царь повернулся, вышел, сел на коня и уехал.

Нагой сейчас же поскакал в свою вотчину и вернулся в Москву с дочерью. Мария плакала, умоляла убить ее, но не разлучать с женихом, но честолюбивый боярин решил во что бы то ни стало исполнить волю царя.

В назначенное время Иоанн приехал к Нагому. На этот раз вино поднесла ему боярышня Мария. Она произвела на него сильное впечатление. Вопреки всем обычаям, он при ней сказал Федору:

— Ну, боярин, сам я себе у тебя сватом буду. Полюбилась мне твоя дочь, быть ей московской царицей.

Мария упала в обморок. Нагой низко поклонился. Он ждал этого.

Царь усмехнулся и, взглянув на лежавшую без чувств девушку, сказал:

— Видно, не по нраву пришелся я боярышне. Да ничего. Стерпится — слюбится.

Через неделю была отпразднована свадьба. Конечно, и на этот раз церковный обряд совершался без участия патриарха и епископов. Царя венчал все тот же священник Никита. Но свадебный стол был обставлен очень торжественно. Подавались «сахарные кремли», вино лилось рекой. Посаженным отцом Иоанна был его сын Федор; дружкой со стороны жениха — князь Василий Иоаннович Шуйский; дружкой со стороны невесты — Борис Федорович Годунов. Все будущие московские цари.

На другой день после свадьбы царя его сын Федор же-

нился на Ирине Годуновой, которую Иоанн незадолго до этого наметил себе в невесты.

На короткое время в московском дворце жизнь шла мирно. Царица Мария покорилась своей участи и относилась к Иоанну хорошо. Сам царь был доволен своей новой женой. Одно лишь ему в ней не понравилось: она часто, без видимой причины, начинала плакать. Это его раздражало. Однажды, застав ее в слезах, он до того рассердился, что обещал «отдать ее псам», если она не станет веселой. Конечно, Мария от этого не стала веселее и между ней и царем установились холодные отношения. Началось повторение старого. Снова ночью дворец оглашался пьяными песнями, опять в нем воцарился дикий разгул. Но у Иоанна уже не было прежних сил. Случалось, что он среди оргии вдруг засыпал. Он забывал имена своих любимцев, иногда называл Годунова Басмановым, удивлялся, почему за столом нет Вяземского, казненного им много лет назад, и т. д.

Его старший сын Иоанн, унаследовавший от отца все дурные качества, принимал деятельное участие в оргиях. Но, в то же время, он как наследник престола, интересовался всеми государственными делами. В этой области он был ярым противником царя. Зная, что государь ищет мира с Польшей, он переписывался с польским королем Баторием и обещал ему, после смерти отца, всевозможные уступки, если король прекратит войны, до воцарения его, Иоанна Иоанновича. Ободренный таким настроением наследника московского престола, Баторий написал Иоанну IV такое письмо:

«Ты — не одно какое-нибудь дитя, а народ целого города, начиная от старших до наименьших, губил, разорял, уничтожал, подобно тому, как и предок твой предательски жителей этого же города перемучил, изгубил или взял в неволю... Где твой брат Владимир? Где множество бояр и людей? Побил! Ты не государь своему народу, а палач, ты привык повелевать над подданными, как над скотами, а не так, как над людьми! Самая величайшая мудрость: познай самого себя; и чтобы ты лучше узнал самого себя, посылаю тебе книги, которые во всем свете о тебе написаны; а если хочешь,— еще других пришлю: чтобы ты в них, как в зеркале, увидел и себя, и род свой... Ты довольно по-

чувствовал нашу силу; даст Бог, почувствуешь еще! Ты думаешь: везде так управляются, как в Москве? Каждый король христианский, при помазании на царство, должен присягать в том, что будет управлять не без разума, как ты. Провосудные и богобоязненные государи привыкли сноситься во всем со своими подданными, и с их согласия ведут войны, заключают договоры; вот и мы: велели созвать со всей земли нашей послов, чтобы охраняли совесть нашу и учинили бы с тобою прочное установление; но ты этих вещей не понимаешь»...

Зная болезненную впечатлительность отца, Иоанн надеялся довести его до окончательного состояния безумия и, таким образом, скорее занять его место. Первое ему удалось, второе — нет. Именно это письмо Батория сыграло роковую роль. Случайно при его чтении присутствовал Иоанн Иоаннович. Царь вышел из себя, клялся уничтожить польского короля. Сын произнес несколько насмешливых замечаний и в результате — Иоанн ударил сына посохом в висок. Промучившись два дня, Иоанн Иоаннович скончался.

Отчаяние царя продолжалось около месяца. Когда этот период миновал, в Иоанне произошла огромная перемена: он окончательно перестал выносить около себя людей, не способных беспрерывно веселиться. Мария стала ему ненавистна. Но, в то же время, почти совсем исчезла и его кровожадность. Казни стали в Москве редкостью. Но зато у Иоанна еще более усилилось чувство сладострастия. Оно дошло до болезненности. За несколько месяцев до своей кончины он заболел. За ним ухаживали жена Мария и невестка, вдова убитого им сына. Иоанн почти окончательно лишился сил, так что его приходилось поднимать на руках. Однажды ночью, когда около него дежурила невестка, царь вдруг почувствовал в себе прилив бодрости. Он сам поднялся. Невестка сидела рядом, в кресле. Иоанн неожиданно схватил ее за руки, потянул к себе и начал шептать ей слова любви. Между ними завязалась борьба. Царь делал отчаянные усилия, чтобы повалить ее, но ей удалось вырваться и она убежала.

Это был последний подъем чувств. Правда, царь скоро встал с постели, но все понимали, что дело близится к концу. Не чувствовал этого только сам Иоанн. Он подготовлял новый брак.

Царю сообщили, что у английской королевы есть красивая родственница, Мария Гастингс, графиня Гонтингтонская. Иоанн не считал нужным скрывать своего отношения к Марии Нагой, хотя та в это время готовилась стать матерью. Он послал в Лондон дворянина Федора Писемского, который должен был посмотреть «невесту» и переговорить с королевой.

Царь предвидел, что королева Елизавета может возразить, что он женат, и велел передать ей условия, на которых может состояться новый брак. Писемский должен был объяснить, что брак Иоанна недействителен, ибо не признан архипастырями греческой церкви. В особом указе царь писал Писемскому:

«И сказать ея королевскому величеству, что Мария Нагая не царица, и будет пострижена в монастырь».

Иоанн требовал, чтобы Мария Гастингс и все лица ее свиты приняли греческую веру. Детям будущей царицы обещали «особые уделы, как издревле велось на Руси». Таким образом, царь, в погоне за новой жёртвой своих страстей, был готов разделить свое царство между детьми английской принцессы.

Кроме того, Писемский должен был обещать Елизавете тесный союз Англии с Русью.

Королева приняла московского посла с большими почестями, но относительно сватовства дала уклончивый ответ. По ее словам, Мария Гастингс больна и видеть ее нельзя. Королева была в очень затруднительном положении. С одной стороны, ей очень хотелось породниться с русским царем, с другой же — Мария Гастингс не хотела слышать о браке с Иоанном, жестокости которого были хорошо известны в Англии. В конце концов, Елизавета нашла остроумный исход: под именем Марии Гастингс Писемскому показали какую-то рябую, кривобокую девицу почтенного возраста. Разумеется, после этого посол поспешил уехать из Лондона, чтобы сообщить царю, что его обманули и что выбранная им невеста похожа на чудовище.

За хитрость Елизаветы должен был расплатиться лейбмедик московского царя, англичанин Роберт, который первый сообщил ему о красоте Марии Гастингс. Роберта замучили в застенке.

Между тем, мысль о тесном союзе с Москвой настолько соблазнила английскую королеву, что она отправила к Иоанну чрезвычайного посла Джерома Боуса. Этот посол должен был передать Иоанну собственноручное письмо королевы, которая предлагала царю жениться на ее двоюродной племяннице, Анне Гамильтон, овдовевшей незадолго до этого. Анна отличалась красотой, но, в то же время, и твердым жестоким характером. Когда Елизавета спросила ее, не хочет ли она стать женой грозного царя, не боится ли она его, Анна рассмеялась и сказала.

— Я в мире боюсь только одного: старости. А московского царя я сумею укротить.

Боус привез царю портрет Анны, изображенной в сильно декольтированном платье. Этот портрет был специально написан для Иоанна, чтобы показать ему пышный бюст предлагаемой невесты.

Иоанн пришел в восторг. Боус имел у него несколько аудиенций, во время которых подробно обсуждались условия брака и вырабатывался план сближения с Англией.

Английская королева требовала, чтобы английские купцы получили в русском государстве право беспошлинной торговли и чтобы, в то же время, на все товары не английского происхождения были наложены высокие пошлины. Иоанн согласился на все эти условия, Боус начал подготовлять формальный договор. Царь торжествовал.

Но английский посол, кроме международной политики, затронул и вопросы интимного характера. Елизавета требовала, чтобы ко дню приезда невесты в Кремлевском дворце не осталось ни одной русской женщины и чтобы, прежде всего, оттуда была удалена Мария Нагая. Боус добавил, что леди Гамильтон уже выехала из Лондона.

Убрать из дворца тех женщин, которыми себя окружил Иоанн, было не трудно. Гораздо сложнее представлялся вопрос об удалении Марии, которая только что родила сына Димитрия. Иоанн был способен на многое, но выгнать царицу, еще не оправившуюся от родов, не был в состоянии даже он. В этом смысле он ответил английскому послу.

Боус, избалованный уступчивостью царя, надменно ответил, что «ея величество, английская королева Елизавета,

требует исполнения всех условий, до последних мелочей. В противном случае она приказала прервать переговоры».

Это заявление Иоанну передал Годунов. Царь, несколько дней не выходивший из опочивальни, вспылил и велел передать англичанину, что если он немедленно не выедет из Москвы, его вывезут на кляче. После этого Боусу, конечно, осталось только покинуть столицу. С леди Гамильтон он встретился в Польше и уговорил ее вернуться в Лондон. Кажется, это был первый случай, когда в Иоанне доброе чувство одержало верх над злым.

Но он тотчас же раскаялся в своем порыве. Ему казалось, что он проявил слабость, недостойную могущественного царя. Когда через несколько дней после отъезда Боуса ему доложили, что царица Мария встала с постели и просит у него дозволения предстать пред его очи, он грубо ответил:

— Пусть сидит в своем тереме и не суется туда, где ее не спрашивают.

Мария увидела Иоанна только в гробу.

Накануне своей смерти, 17 марта 1584 года, царь отправил Шуйского в Швецию. Ему сообщили, что у шведского короля есть дальняя родственница, отличающаяся удивительной красотой. Царь решил посвататься за шведскую принцессу. Он предлагал королю тесный союз и всевозможные льготы. Но Шуйскому не было суждено покинуть пределы Руси. На другой день его догнал курьер с вестью о кончине царя. Иоанн умер внезапно, во время партии в шахматы.

Даже его могучий организм не выдержал тех оргий, среди которых протекла его жизнь.

Подписано в печать 19.01.90. Заказ № 79. Тир. 300 тыс. экз.
Цена 3 р. Типография ЦС.

требует исполнения всех условий, [illegible]. В противном случае она приказала прервать [illegible].

Это заявление Иоанна передал Годунов. [illegible] не выходивший из опочивальни, [illegible] англичанину, что если он немедленно не покинет Москву, его вышлют на казнь. [illegible] только половина страницы. [illegible] в [illegible] и [illegible] был первый случай, когда в [illegible].

Но [illegible] в своем [illegible] царя К[illegible] что царица М[illegible]

— Пусть [illegible]

Мария [illegible]

Накануне своей смерти, 17 марта [illegible] царь отправил Писемского в Швецию. [illegible] сообщил, что у шведского короля [illegible] родственница [illegible] тельной красотой [illegible] принцессу. [illegible] Писемскому не было суждено покинуть пределы [illegible] царя [illegible] умер, [illegible]

Даже [illegible] не [illegible] среди которых [illegible] его жены.

Цена 3 р.